

Дети священного волка

(популярная история башкирско-казахских отношений)

От автора, или как появились эти записи

Однажды мне пришлось вступить в полемику с известным ученым-историком, который был убежден, что после трагических событий далекого 1755 года между башкирами и казахами не может быть оснований для братских отношений. «Они не раз предавали нас, предавали в самые тяжелые моменты истории!» — восклицал он и приводил убедительные доказательства (недаром доктор наук и автор многочисленных трудов) и в итоге полностью «разгромил» мои идиллические предположения о дружбе и братстве соседей.

— Вспомнить хотя бы башкирские легенды, там казахи изображаются исключительно барымтачами! — горячо восклицал мой авторитетный оппонент. Наверное, подумал я, все действительно так и было... Этот безнадежный спор оставил тяжелый осадок в душе. Долгое время я ходил подавленный, но примириться с точкой зрения именитого ученого не хотелось. Не могут же народы, связанные общими этническими, религиозными и историческими судьбами, жить в постоянных раздорах... Начал искать факты, анализировать источники, собирать мнения известных людей, копаться в легендах и преданиях. Съездил в Казахстан, побывал во многих районах нашей республики, где сохранилась память о тех далеких временах. Но вот что удивительно, — той неприязни между народами, о которой говорил мой оппонент, я не заметил. Люди разных возрастов, профессий, социального статуса, как башкиры, так и казахи, просили написать правдивую историю взаимоотношений между нашими многострадальными народами.

— Мы — братья, и мы знаем это! — убежденно говорили они.

Конечно же, я ни в чем не собираюсь обвинить моего оппонента. Он просто жертва известных идеологических стереотипов, насажденных извне и господствовавших в обществе долгие годы.

В итоге родились записи, которые, пожалуй, можно было бы назвать и популярной историей башкирско-казахских отношений XVIII—XX веков. О ее достоинствах и недостатках судить тебе, мой читатель. Возможно, некоторые моменты в трактовке тех или иных исторических событий покажутся неубедительными, а гипотезы — слишком смелыми. Но все они написаны искренне и с максимальной исторической точностью.

Часть первая

Родственники или просто соседи?

Ближайшими соседями южных и восточных башкир были казахи. Великая степная река Яйык (ныне Урал) разделяла земли этих народов. Нас интересует вопрос — что преобладало во взаимоотношениях соседей, весьма воинственных и своенравных?

Небольшой экскурс в историю. Башкиры, или как мы себя называем, башкорттар, появились на Урале и в близлежащих степях еще в незапамятные времена. По легенде племени усерган, в этот край величественных гор, шумных водопадов, дремучих лесов и безбрежных степей их привел белый волк. Это был вожак стаи, священное животное. И люди, которым он покровительствовал, стали называться «народом главного волка» — «баш корт халкы». Напомним, что слово «корт» или «курт» в наречиях некоторых тюркских народов означает «волк». Такие же предания о волке-вожаке сохранились и у других юго-восточных племен. Да и собственное название древнейшего башкирского племени бурзян («бурджан» в старинных источниках) или «буре йән» можно перевести как «волчья душа». По утверждению ученых, средневековые рыцари половецких степей — воинственные «бурджоглы» на самом деле те же бурзянцы. В Хайбуллинском районе Башкортостана и в соседней Оренбургской области зафиксированы названия деревень, имеющие прямое отношение к данному тотему — «Баш Буре», «Накмар Буреһе», «Буребай». В представлениях наших далеких предков волк защищал от повседневных бед и врагов. Его образ — смелый, жестокий, благородный (например, античных героев Рэма и Ромула вскормила волчица) — пользовался уважением у многих народов, в том числе и у тюрков. К слову, на скалах гор в Южном Казахстане и в Семиречье найдены изображения этого священного зверя. В мифологии тюркоязычных наций волк занимает особое, сакральное место.

Часть нынешнего Башкортостана занимали малочисленные племена так называемых «чудов». Несколько волн кочевников тюркского происхождения в разное время накрывало ареал расселения этого таинственного народа. Видимо, это были финно-угры, обитавшие в основном в лесной зоне исторического Башкортостана. До них были те, кого принято называть скифами, сарматами, савроматами. Тюрки успешно ассимилировали местных аборигенов, положив тем самым начало новому народу. На этом основании башкорттов уверенно можно назвать автохтонным населением Урала. Иногда среди нас встречаются люди с голубыми глазами и светлыми волосами. Они и есть потомки пресловутых «чудов». В башкирском дастане «Урал-батыр» говорится о неких пещерных людях, которые охотились на животных с каменными орудиями, разрывали их горла зубами и пили горячую кровь. Согласно эпосу, это были счастливчики, пережившие «всемирный потоп». Якобы, от них произошли и остальные люди, в том числе башкортты. В эпосе отчетливо говорится о месте обитания первых людей. Это пещера Шульганташ (Капова), что находится в Бурзянском районе Башкортостана. Кстати, там сохранились рисунки давно исчезнувших животных — мамонта, пещерного льва, бизона. Ученые датируют возраст дастана четырьмя тысячами лет! Иными словами, наш народ жил на этих благодатных землях с незапамятных времен. Наскальные рисунки и знаки древних людей, найденные в горах центрального и северного Башкортостана, обнаруживают удивительное сходство с тамгами башкирских родов.

Основу башкирского народа составили семь племен. Это бурзян, усерган, тамъян, тунгаур (дунгаур) и три кыпчакских рода, которые именно здесь, на Южном Урале, объединились в союз. Недаром поется в древней песне:

Уралып та ғына яткан Урал тауы —
Ете лә генә ырыу төйәге...
(Раскинувшиеся вольно Уральские горы —
Родина для семи племен).

Воины семи племен, объединенных в мощную конфедерацию, смогли дать отпор татаро-монгольским завоевателям. По утверждению венгерского монаха-путешественника Юлиана, посетившего наши края после той войны, в течение 14 лет шли кровопролитные столкновения между башкортами и чужаками¹. Закрепившись в своих горных «цитаделях», местные тюрки упорно дрались за свободу. В конце концов, татары-монголы вынуждены были заключить мир с нашими предками, которые формально признали чингизидскую власть. В этой борьбе участвовали и башкортты из конфедерации айле (по некоторым данным, включившей 24 племени) из Восточной Башкирии, а также союз северных родов. Народная память сохранила для потомков имя одного из легендарных предводителей конфедерации Ете-ырыу — Масемхана. Скала, помнящая о великих делах великой личности — «Мәсем ташы», — и ныне возвышается над Белой рекой в Бурзянском районе, в самом центре владений хана.

До монголо-татарского нашествия у башкир, видимо, уже были зачатки государственности. Развивалась торговля, процветали ремесла, военное дело. До нас, например, дошли обрывочные сведения о небольших укрепленных городах башкорттов². Средневековые европейские карты зафиксировали загадочный город Паскертти на том самом месте, где ныне находится столица республики.

После распада огромного золотоордынского государства на несколько ханств в XV веке на исторической арене появляется новая нация — казахи³. Их предки жили на территории нынешнего Казахстана, западного Китая (Синьзян), Монголии, а также некоторых среднеазиатских государств. Имели города Отрар, Сайрам, Сыгнак, Тараз, Туркестан, Ташкент и т.д. Жители этих «полисов» упорно боролись против экспансии татаро-монгольских полчищ, что нашло отражение в преданиях и фольклоре народа.

В этногенезе казахов участвовали древние саки, массагеты, ираноязычные племена, а также монголоязычные народы. Тюрки-казахи испытали доминирующее влияние кыпчаков, что выражается, прежде всего, в особенностях их языка. Те же этнические компоненты участвовали в формировании и башкирского народа.

Начиная с XVII века, джунгарцы начали теснить казахов с их исконных кочевий на юго-востоке нынешнего Казахстана. Жестокое противостояние продолжалось в течение двух столетий и вошло в историю народа как «Ақтабан шубырынды», что означает «годы великого бедствия». Казахи мужественно сопротивлялись, одержав ряд выдающихся побед над превосходящими силами врага. Но племена были разобщены, и многие роды вынуждены были откочевать далеко на север и запад, где заняли территории, покинутые ногайцами. Эти земли, начиная с берегов рек Уй, Ишим, Тобол на востоке, степи между Яйыком и Эмбой на юге, далее от Иргиза до Нижней Волги, считали своими и башкортты — бывшие подданные Ногайской орды⁴. После исхода ногайцев с территории Башкирии, тарханы племен бурзян, усерган, юрматы, мин и т.д. поспешили оформить свои права на эти территории путем получения закрепительных грамот от русской администрации.

Какой характер носили взаимоотношения башкир со своими новыми соседями?⁵ Видимо, в разные годы они складывались по-разному. Но в целом преобладали мирные и родственные отношения. Порой происходили стычки за владение пастбищами и водными ресурсами, случались барымта — набеги, основной целью которых был угон скота. В ответ организовывали карымту, что представляла собой ответный набег или возмещение причиненного ущерба. Случались похищения девушек и молодых женщин, иногда и детей. Эти конфликты носили не только межэтнический, но и «внутренний», межродовой характер. В фольклоре башкортвов немало песен, легенд, преданий, в которых рассказывается об этих событиях. В советское время устное творчество народа претерпело существенные изменения, что нашло отражение в искажении сути этих сказаний. У неискушенного слушателя или читателя могло сложиться мнение, что между казахами и башкирами всегда существовала вражда. Наши степные сородичи в этих «подкорректированных» преданиях представляли в неизменном образе жестокого барымтачи, а башкиры — в роли жертвы. Но вот интересный факт. Среди коренных жителей Башкортостана до наших дней сохранилось немало нелицеприятных поговорок о колонизовавших край поселенцах. Безусловно, это отголосок коварной имперской политики, суть которой выражена в банальной истине «разделяй и властвуй». Но нет ни одной унижительной поговорки (или прозвища), адресованной степным соседям! И как мне сообщали казахские филологи, и у них нет, не зафиксировано подобных проявлений неприязни к башкирам. Уместен вопрос, а почему два воинственных народа так и не стали врагами? Ведь были же столкновения, борьба за лидерство в регионе, провокационная политика властей и т.д.? На мой взгляд, тому несколько причин. Во-первых, не зафиксировано ни одной крупномасштабной башкирско-казахской войны, в результате которой одна или обе стороны понесли бы значительные человеческие потери, а значит, затаили бы смертельную обиду. Во-вторых, как мы уже сказали, в формировании этих народов участвовали общие племена. Казахи из числа кыпшаков, таз, канглы, керей, союзов племен жетиру, байулы, алимулы имеют наиболее близкие этнические корни со своими соседями — башкортами. Еще одна важная причина заключается в кочевом менталитете, в обычаях башкир и казахов. Локальные боевые действия, те же самые барымта с карымтой, для них были естественным явлением и не рассматривались как нечто из ряда вон выходящее. У них сохранились романтические традиции военной демократии — смелость, благородство и доблесть воина. Это были хорошие бойцы, но плохие интриганы. Именитые батыры встречались в открытом бою, предвеляя поединок громким вопросом: «Алыш бармы, көрәш бармы?»

— Будем сражаться (на смерть)? Или бороться?

То есть не исключался и мирный исход конфликта.

Военные отряды противников как казахов, так и башкортвов, никогда не имели целью истребление людей, тем более мирного населения.

Более того, в наших легендах сохранилось много свидетельств благородства и сочувствия, проявленных к пленным казахам или, наоборот, башкирам. В Учалинском районе РБ есть гора Акша. Как гласит предание, предводитель казахских барымтачей Акша батыр погиб в бою с барын-табынцами. Погиб достойно, как настоящий мужчина. Башкортвы со всеми почестями похоронили его на вершине горы. Потом приехал отец Акшы и встретился с аксакалами рода. Старейшины договорились удерживать молодежь от набегов, не причинять зла друг другу. И в этих краях надолго воцарился мир. А гора, где покоятся

останки батыра, и ныне носит его имя. Такую же романтическую историю могла бы поведать и живописная скала Акын (Аккашка) в Бурзянском районе Башкортостана.

Вот казахская легенда. Она связана с происхождением названия вершины «Кос естек». Когда-то, очень давно, два башкорта волею судьбы оказались в стране казахов. По некоторым версиям, это были знатные люди, которые перекочевали на юг, спасая свою свободу, богатства и скот. Их преследовали татары-монголы (варианты — казахи, русские солдаты, калмыки). На вершине горы, что находится в Каргалинском районе Актюбинской области Казахстана, беглецы приняли свой последний бой. Погибших похоронили с почестями. Прощаясь с их могилой, один из местных жителей, якобы, произнес:

— Кош, естек! Прощай, башкорт!

Названия нынешнего поселка Кос Естек и небольшой реки, что протекает рядом, по легенде, восходят именно к этим словам. По другой версии «кос естек» означает «два башкира». После восстания 1755 года большая часть бежавших в Младший жуз башкортвов была посемейно (по парам, или по-казахски, «кос») поселена в этих местах. Поэтому селение и носит такое название. Об этом говорят казахские исследователи Баянғали Култаев и Қайрат Тулеуов:

— Расселение было по парам, т.е. муж и жена, вдоль реки Қарғала Актюбинской области Республики Казахстан. Слово «пара» по-казахски «кос», а самих башкир казахи называли «естек». Место, где было наибольшее количество расселений башкир по парам — зимовку старшего сына Сарке батыра Танирбергена — в честь этого события назвали Қос естек. В последующие годы образовался большой поселок, который до 1967 года был районным центром. Он находится в самом живописном месте вдоль реки Қарғала на трассе, в 75 километрах от города Ақтобе, и на таком же расстоянии от города Орска Оренбургской области⁶.

Как правило, легенды хранят память о светлом, добром, вечном. Западные казахи, например, бережно донесли до наших дней предание о Кара-батыре, башкортте, прибывшем в их степи с целью прекращения набегов между двумя народами. Захоронение этого смелого человека находится недалеко от аула Иргиз Актюбинской области Республики Казахстан.

Жила когда-то знаменитая аулия Бэндебике. Муж прорицательницы, Еренса, был известным сэсэн-сказителем, но весьма своевольным человеком. Однажды он собрал военную партию и отправился за Яйык. Бэндебике тщетно пыталась отговорить мужа:

— Не надо ссориться с нашими братьями по вере! Зло всегда оборачивается несчастьем!

Говорила Бэндебике и о вешем сне, что видела накануне. Вся степь была усеяна трупами людей и лошадей...

— Вы все погибнете! А те, кто выживет, покроет себя несмываемым позором!

Но не послушались воины мудрой женщины. Предсказание ее сбылось. Казахи дали достойный отпор барымтачам. Немало джигитов погибло, некоторые ускользнули, а их предводитель с горсткой своих товарищей попал в руки неприятеля. Более года провели башкортты в плену. Затем, узнав, что Еренса является супругом знаменитой Бэндебике-аулия, старейшины рода отпустили пленников. Вернувшись домой с позором, Еренса узнал, что за время его мы-

тарств на чужбине жены не стало. Она умерла, благородное сердце ее не выдержало трагедии, случившейся с мужем и соплеменниками.

Кэшэнэ (мавзолей) Бэндебике-аулия находится недалеко от аула Максют Кугарчинского района Башкортостана. Порой некоторые паломники из числа посвященных слышат глас аулие, доносящийся из глубины могилы. Эти слова обращены нынешним и последующим поколениям тюрков.

— Живите дружно, по-братски! Не причиняйте обид друг другу! Помните, зло всегда оборачивается злом!⁷

Подобных легенд и преданий, сохранившихся до наших дней, много. Казахи воспринимали естеков (варианты — истяки, иштяки), то есть башкортвов, как своих близких братьев. Недаром известный казахский историк и поэт Шакарим Кудайберды улы (1858—1931) утверждал, что «башкиры — те же казахи», но отделившиеся от основной орды и смешавшиеся на севере с финно-угорскими народами. Характерны строки из дастана знаменитого казахского жырау Кожабергена. Перечисляя страдания народа в тяжкие годы «Ақтабан шубырынды», когда против казахов выступили и калмыки, и хивинцы с кокандцами, и русские казаки, и киргизы, и многие другие, жырау с особой болью и досадой говорит:

Жау болды агайын ел Естек бизге

Жасады жорык ол да елимизге...

(Неприятельской стала и братская страна естеков,

И они совершили набеги на нашу родину).

(Отрывок из дастана «Елим ай»).

Понятна обида Кожаберген аксакала. Как гласит пословица, «легче переносить большое зло от врага, чем маленькую обиду от своего брата». Возможно, речь идет о тех башкирах, которые защищали свои пастбища на юге, ведь под натиском огромной джунгарской армии казахские роды вынуждены были уходить на северо-запад, в свою очередь, оттесняя часть башкирских аулов с левобережья Яйыка и вдоль рек Уй, Тобол.

Но в репертуаре знаменитого Кожабергена-жырау были и оптимистические песни. Например, о ратных подвигах братских народов, объединенных под единым знаменем. В частности, история свидетельствует о том, что в начале XVIII века воины трех тюркских народов общими усилиями прогнали калмыков за реку Урал. Об этом расскажем чуть ниже. Известно также об участии войска легендарного башкирского батыра Таймаса Шаимова в битве на Буланты, где силами трех жузов и их северных союзников был нанесен сокрушительный удар по джунгарской армии⁸. Эта победа стала поворотной вехой в истории казахского народа, своеобразным «Сталинградом», остановившим наступление диких орд с востока. Кстати, и в самом Башкортостане, а также в соседних Оренбургской, Челябинской, Самарской и Саратовской областях Российской Федерации много топонимов, касающихся башкирско-калмыцких столкновений. Например, около города Стерлитамака есть озеро, старинное название которого «Меңкалмак» («Тысяча калмыков»). Легенда гласит: в жестоком сражении с войском Аюки-хана башкортты уничтожили тысячу своих противников. Их трупы бросили в озеро... Многочисленные «Қалмак үлгән» («Место, где погибли калмыки»), «Қалмак орошқан» («Там, где сражались с калмыками»), «Қалмак қасқан» («Место, откуда убежали калмыки») напоминают о тех суровых временах, когда башкортты вынуждены были защищать свои земли от вторжения смелых и неугомонных степных бойцов — калмыков.

В 1771 году более 200 тысяч волжских калмыков под руководством своего хана Убаши двинулось на свою историческую родину — Джунгарию. Царское правительство попыталось их остановить и вернуть обратно. Вдогонку были брошены отряды драгун, башкир, а также воины Малого и Среднего жузов. Но огромная змеевидная колонна беженцев упорно шла на восток. Наконец, после семи месяцев кровопролитного и чрезвычайно изнурительного марша, калмыки сумели прорваться в Китай. Ущелье в горах, по которому прошли 75 тысяч счастливых, оставшихся в живых, и поныне носит название «Джунгарские ворота». Много женщин и детей попали в руки преследовавших их казахов и башкир. В их общинах появились новые кланы из числа ассимилированных калмыков. Трагические события 1771 года вошли в историю как «Последний переход» калмыков.

Во время башкирских войн XVII—XVIII веков казахские роды неизменно оказывались на стороне своих северных соседей. Скоординированные действия инородцев — нападения на крепости и поселения, угон скота у колонистов, рейды вглубь «ново-русских» территорий, предоставление убежища для повстанцев — все это стало головной болью для колониальной администрации. Тем не менее, после восстания 1755 года башкиро-казахские отношения заметно охладели. Это стало результатом хитроумной политики оренбургского генерал-губернатора Ивана Неплюева, который усмотрел в покровительстве казахов бунтующим «естекам» реальную угрозу для интересов империи. Об этом поведаем чуть позже, а теперь попытаемся ответить на вопрос: а почему «естек»? Откуда взялся этот этноним, означающий «башкорт» у казахов Малого и Среднего жузов?

Почему «естек»?

Однозначного ответа на этот вопрос никогда не было, не существует и сегодня. Историки и языковеды, краеведы и аксакалы выдвигают разные гипотезы, касающиеся этимологии данного обозначения. Наиболее распространенной, но неубедительной, на мой взгляд, является апелляция к «остякам». Так называли русские первопроходцы представителей северных народов — кетов, селькупов и, прежде всего, хантов. Хорошо, допустим, вопреки всякой логике степняки переняли русский вариант «остяк», чуть-чуть переименовали и стали называть башкорт «естеками». Но тут возникает масса вопросов. «А как называли казахи своих соседей до этого?»

Ведь русские пионеры встретились с хантами только в середине XVI века, а селькупы и кеты еще позже? Выходит, «остяки» появились позже «естеков»? Как мы знаем, казахский народ окончательно сформировался в XV веке. Должны же были они, степняки, как-то идентифицировать своих соседей башкир? К тому же, этноним «башкир» впервые был зафиксирован в дневниках секретаря багдадского посла Ибн-Фадлана еще в 922 году, когда караван, направляющийся в Волжскую Булгарию, встретился с башкирами на территории исторического Башкортостана.

Неужели казахи не видели никаких различий между башкирами и хантами? Первые тюрки-мусульмане, ведущие полукочевой образ жизни, скотоводы, по культуре, языку и образу бытия мало чем отличавшиеся от самих казахов. А язычники ханты — финно-угорский народ, живущий на севере? Основой их экономики всегда были оленеводство, рыболовство и охота.

И самое главное. А что все-таки означает это таинственное слово? Никто не знает ответа. Вопрос остается открытым.

Любопытную гипотезу высказал живущий в Уфе казахский журналист и поэт Морат ага Шекебаев. Выходец из Среднего жуза, рода канжагалы, Морат Киноятович рассказал легенду, связанную с происхождением этнонима «естек».

«В давние времена в кочевья нашего предка Богембая-бия пришло много башкортвов. Они проиграли кровопролитную войну у себя на родине и посему искали убежища в степях. Казахи приютили их, дали пищу, кров, выделили пастбища. Но предвидя, что русские не оставят в покое этих людей, молодых воинов быстро переженили на казахках. Скоро так и получилось: представители царских властей в сопровождении целой армии прибыли в кочевья и потребовали выдать беженцев. Люди постарше, обремененные семьями, вернулись в Башкирию. А те молодые башкортвы, новоиспеченные общинники, остались. Ведь они уже приняты в род, стали подданными местного султана и не подлежали «депортации». Скоро пошли дети, внуки, правнуки этих башкир. Люди радовались:

— Остик! Остик! Нас стало больше!

Оттуда и пошел род «выросших в числе», иными словами, «естеков» в казахских степях».

Конечно, это лишь красивая легенда, но не более. Этноним «естек» появился намного раньше русско-башкирских войн XVI—XVIII веков. Тем не менее, легенда представляется весьма любопытной, не лишенной основания, так как в исторической литературе действительно зафиксирован факт приема старшиной Среднего жуза Богембаем «множества числа воров» из мятежной Башкирии.

Наиболее серьезная версия связана с записями средневекового автора — арабского путешественника Аль-Идриси. Он пишет, что народ этот имеет города Кастра и Мастра в стране «внутренних» башкир. А «внешние» башкиры, также имеющие свои города, проживают на прикаспийских и среднеазиатских торговых путях. Один из их городов — Намжан находился на месте нынешнего Орска на реке Яйык. Аль-Идриси пишет, что «внутренние» башкиры поддерживают торговые отношения с Булгаром, а южные же («внешние») постоянно воюют с этим государством. Возможно, первоначально этноним «истьяк» или «естек» («иштяк») относился только к этим «внутренним башкирам» («эстэге», «иштэге башкорттар»). По типу хозяйствования (например, к земледелию они перешли значительно раньше своих южных сородичей), внешнему виду и этническому составу (именно они активнее остальных башкир ассимилировали финно-угров), по особенностям наречия, и наконец, по своему географическому положению (занимали северные и западные районы нынешнего Башкортостана) «внутренние» разительно отличались от своих южных братьев. Кстати, эти различия сохраняются и поныне. «Внешние» же башкортвы в культурно-экономическом плане более тяготели к соседним степным народам. После потери значительных территорий в евразийских степях в XVII—XVIII веках, и «внешние» башкиры отступили к Уральским горам. Тем самым, видимо, подпали под определение «внутренних», иными словами, «истеков» или «иштяков».

Некоторые ученые предполагают, что Естек (Иштяк, Истяк) — имя великого вождя некоего великого племени. Безусловно, эта гипотеза имеет право на существование. Ведь, например, ногайцы ведут свое начало от хана Ногая, этимология слова «узбек» связана с личностью хана Узбека. По некоторым версиям, башкиры «унаследовали» имя реального половецкого хана Башгирда. И этот список можно продолжить.

Любопытно, но в знаменитом кыргызском эпосе «Манас» также встречается персонаж по имени Естек, что говорит о древности данного антропонима.

У самих башкир нет версий относительно происхождения слова «естек» или «иштяк». Но из поколения в поколение передается сказочная история двух братьев — Арал-бия и Урал-бия. Жили они «на берегу моря, южнее нынешней родины башкортов». Некоторые варианты легенды утверждают, что Арал и Урал были близнецами. В любом случае братья жили очень дружно, душа в душу. Но по воле тэнгри, Урал-бию выпала судьба покинуть родные места и переселиться на север — в край высоких гор, темных лесов и привольных степей. От него пошел род башкортов. А брат его Арал-бий остался на родине, у берегов теплого моря, следовательно, стал отцом казахского народа... Основываясь на этом предании, историк Миляуша Бижанова выдвинула свою гипотезу. Так как братья были близнецами или неразлучными, они легко «подпадали» под определение «ишле», или (на кизильско-кыуаканском диалекте) «иште», означающее — «парные», то есть «двойняшки». Например, у башкир есть имена Ишбулды, Иштуган, Ишкилде, Ишбирзе. У казахов также зафиксированы имена — Есбол, Есболды, Есберген. Смысл их одинаков — «парный (брат) пришел (родился)».

Обозначив людей, ушедших с Урал-бием (протобашкир), данным этнонимом, оставшиеся сородичи (то есть протоказахи) акцентировали внимание на их кровном родстве. «Естеки» («иштеки») это люди, ушедшие в другие края. Но нам (казахам) они «парные, родные» братья⁹...

Хочется верить, что найдутся серьезные исследователи этой весьма интересной и запутанной темы и многовековой туман над таинственными «естеками» рассеется. Несомненным представляется факт — у многих башкирских и казахских родов одни и те же предки, что подтверждается не только легендами или родословными — шежере. Наши народы связаны, прежде всего, кровными узами. Итак, об общих этнических корнях на примере союза жетиру и юго-восточных башкортов.

Краткое описание племен жетиру

Летом 1755 года высшие чины колониальной администрации Оренбурга были неприятно поражены. Прибыл гонец на взмыленной лошади, доставил срочную новость. «Бунтовщики» — башкорты, повергнув огню несколько заводов и разгромив роту драгун, пытавшихся их остановить, ушли в Дикую степь. Волнения в юго-восточных волостях грозили перекинуться на весь беспокойный край. Скоро новость обросла еще более неприятными подробностями. Несмотря на все попытки запугать, подкупить, отговорить казахских старшин, в Малой Орде повстанцев приняли не как «злодеев», а как гостей. Причем, как свидетельствуют отчеты царских шпионов в степях, казахские кыпшаки приютили башкирских кыпсаков, тама, тума и тана — тамъянцев, табынцы — башкир того же рода. Зачинщиков бунта бурзянцев укрыли их родственники из жагалбайлы. Старейшины указанных племен поклялись на Коране и в один голос заявили о своем намерении «до смерти их не выдавать».

Причину этого волнительного поступка, видимо, следует искать не только в традиционном сочувствии казахов соседям — единоверцам, ведущим неравную борьбу за свою свободу. В их незавидном положении многие видели свое будущее. Ведь колониальная экспансия молодой империи только-только набирала обороты, под ее властью оказывались все новые земли. Наиболее дальновидные авторитеты в казахских жузах, такие как, например, Кушим-хаджи, были убеждены: «То, что происходит с естеками сегодня, достигнет нас завтра».

Но смысл этих пророческих слов, которые действительно сбылись, понимали не все. Скоро начались нападения пророссийски настроенных султанов и

старшин на кочевья, где проживали беженцы. Теперь семиродцам, алимулинцам и остальным покровителям «воров» пришлось защищать их уже от своих сородичей. Ведь они поклялись на священной книге, а эти бурзянцы, кыпсаки, табынцы, тамъянцы, усергане были для них не просто мусульманами, а прежде всего прямыми родственниками. В этом легко убедиться, совершив небольшой экскурс в историю.

В конце XVII века знаменитый хан Тауке в целях эффективного противостояния калмыкам, объединил семь западных казахских родов в мощный племенный союз. Так возникла военно-политическая конфедерация жетиру в составе Киши Жуза (Малой орды). Она состояла из жагалбайлы, табын, тама, телеу, керейт, кердери и рамадан. Эти племена были весьма многочисленными и славились своей воинственностью. К началу XIX века жетиру занимали земли, начиная от нынешнего города Верхнеуральска на севере, и далее по всей протяженности Яйыка и его левых притоков. А это обширные территории нынешних Челябинской, Оренбургской областей РФ, Актюбинской, Кустанайской областей Казахстана. Зимовать жагалбайлы и другие семиродцы уходили к теплым берегам реки Сырдарья, а также в низовья Урала. Они и были ближайшими соседями естеков. Но что мы имеем в виду, когда говорим о «единой этнической истории» жетиру и юго-восточных башкортвов? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Жагалбайлы — одно из самых многочисленных племен жетиру. К началу XX века оно насчитывало около 70 тысяч человек. Некогда жагалбайлинцы кочевали на огромные расстояния — от Черного до Аральского морей, доходя до берегов Эмбы и Хобды.

В этногенезе жагалбайлы участвовали не только древнетюркские или древнемонгольские племена, но и сакско-массагетские автохтоны и, видимо, ираноязычное население региона. В этом плане этническая история жагалбайлы мало отличается от происхождения бурзян. Последние — выходцы из Южной Сибири. Смешиваясь с ираноязычными племенами в VII—IX веках нашей эры, они разделились на две большие группы. Одна (в составе части огузов) пошла на Северный Кавказ и оттуда выдвинулась далеко на запад, достигнув Византии и Румии (от нынешней Турции до Италии). Будучи отменными солдатами, тюрки нанимались на воинскую службу к королям и царям. Знаменитый египетский мамлюк, впоследствии султан, Бейбарс был сыном «волчьего народа», иными словами, бурзянцем по происхождению. Эти тюрки остались в Европе, приняли христианство и окончательно растворились в доминирующей массе местного населения.

Другая часть продолжала кочевать в том же регионе, что и жагалбайлы. Территорию, начиная с нижнего течения Сырдарьи, степи между Аральским морем и Уральскими горами бурзянцы считали своим владением. В последние годы ученые все более склоняются к версии, что жагалбайлинцы и бурзяне составляли единый этнос, по крайней мере до IX—X веков. Об этом говорят и косвенные доказательства, зафиксированные в устном народном творчестве. Еще в двадцатых годах прошлого столетия общественный деятель и краевед Сагит Мирасов записал легенду о происхождении бурзян. Там говорится (об этом мы уже рассказали в предыдущей главе), что родоначальник племени Бурзян бий жил у берегов моря. У него было два сына — Арал и Урал. Первый остался на родине, а второй со своими близкими ушел на север¹⁰. Примерно в это время бурзяне (в их составе и небольшая часть ягалбайлы — жагалбайлы) и пришли на Урал, обосновавшись сначала на берегах Ика, Демы, Большой и Малой Кинели.

Жагалбайлинцы же остались на прежних местах обитания, но монголо-татарское нашествие рассеяло племя на всей огромной территории Дикой степи. Часть жагалбайлы вошла в состав каракалпаков (жагалтай) и кыргызов (жагалмай)¹¹. Большинство же ушло вслед за своими братьями-бурзянцами в северо-восточном направлении, только придерживаясь левого берега Ак Жайыка. Летние лагеря племени можно было встретить на живописных берегах степной реки — от среднего течения до самих ее верховьев.

Башкирский род ягылбайлы сравнительно малочисленный, их сегодняшние потомки проживают в Кугарчинском районе Башкортостана, в населенных пунктах Каскын и Санъяп. Несомненно, и в других аулах, выделившихся из родовых селений бурзянцев, можно найти представителей ягалбайлы, но, к сожалению, данный вопрос изучен очень слабо.

Если о существовании мамонтов и динозавров мы знаем по их сохранившимся костям, то об истории древних родов красочно рассказывают их «печати» — тамги. Пожалуй, они самые беспристрастные свидетели давно минувших лет. Известный этнограф Раиль Кузеев нашел около 490 (!) образцов «печати» этого древнейшего племени. Самыми распространенными считаются вариации знака, похожего на птицу дербник, — ягылбай.

Эта и многие другие тамги жагалбайлинцев и бурзянцев удивительным образом совпадают, что еще раз наглядно доказывает общность их этнических корней. Традиционный орнамент, свадебный обряд, языковые особенности, элементы духовной и материальной культуры усиливают это впечатление.

Военным кличем жагалбайлы является «Манатау»¹². У бурзянцев же их два — «Тарауыл» и «Ак туған». Более ранним представляется именно «Ак туған» («Белый брат»). Почему?

Ответ находится в тотемистических представлениях древних башкир. Читатель помнит, что само название народа «башкорт» переводится как «волк-вожак» (хотя есть попытки свести его к «главной пчеле», «главному кругу или совету (племени)», или антропониму Башгирд-хан, половецкого правителя, жившего в XII веке). Название племени бурзян (башкирское звучание «бөрйән», от «бүре йән») происходит также от тотемистического этнонима «волчья душа», иными словами, бурзяне считали себя «людьми с волчьей душой». Вспомним, по легенде именно белый волк, священное животное всех тюрков, привел ряд древних родов на Уралтау. Возможно, у «волчьих людей» — бурзянцев существовал обычай обращаться перед боем к предку-покровителю. Но это только гипотеза.

В исторических источниках встречается еще один этноним бурзянцев — «Бурджоглы», что некоторые энтузиасты от истории переводят как «Сын волка». Эта версия представляется малоубедительной.

Родовая структура бурзянцев. Самыми древними являются роды монаш и ягылбайлы. Они имеются и у других тюрков. У тувинцев зафиксирован первый этноним в форме «монгуш». У кыргызов род жагалмай входит в состав племени мунгуш. У каракалпаков имеется род жагалтай. Но вот что поражает воображение, несмотря на тысячи километров, что отделяют среду обитания этих народов, тамги-то у них идентичные! А жагалбайлы и бурзяне на этом фоне выглядят почти как братья-близнецы! Как тут не вспомнить теорию выдающегося ученого-этнографа Рима Янгужина о том, что жагалбайлы (ягылбайлы), центром этногенеза которых были прикаспийские степи, после исторических катаклизмов были рассеяны по огромному пространству Дикой степи. Они стали составной частью формирующихся народов, перечисленных выше.

Кроме ягалбайлы и монаш, племя бурзян состоит из следующих родов:
— байсары, жансары (эти два рода образовались позже остальных, в XVI—XVIII веках, и считается, что произошли от казахов),

- ногай-бөрйән,
- ямаш¹³,
- байулы-бөрйән,
- дир-бөрйән,
- карагай-бөрйән.

Родовые подразделения или большие кланы — таулы, козгон, айыу, кайыр, бишул, мәскәй, озонмылтык, куян, бейәләй, калмак, казак, шомокай, күрек, татар, бесәй и т.д. Их насчитывается несколько десятков.

Во второй половине XIX века бурзянцев было около 50—55 тысяч человек. Эта цифра могло быть больше, но бесконечные восстания, голод и болезни унесли множество жизней древнего племени.

Ареал нынешнего расселения жетиру, в том числе жагалбайлы, включает не только области Республики Казахстан, но и исконно казахские земли Российской Федерации, Китая, Монголии, а также ряда стран Центральной Азии. Из числа собственно жагалбайлы вышли выдающиеся личности, такие как легендарный военачальник Серке Мендибекулы (XVIII век), композитор Шамши Калдаяков, чей марш о целинниках лег в основу гимна Республики Казахстан, знаменитая певица Роза Багланова, талантливый писатель и драматург Сағыр Камалов, государственный деятель Нагашбай Шайкенов¹⁴. Некоторые утверждают, что Толеген, главный персонаж из дастана «Кыз жибек» является выходцем из жагалбайлы. Этот список можно продолжать бесконечно.

Башкорты из «волчьего племени» гордятся своими славными сыновьями и дочерьми. Например, имя великого ученого-тюрколога и государственного деятеля Ахметзаки Валиди известно во всем мире. Он представитель рода ногай-бурзян.

Другой бурзянец из рода ямаш — очень авторитетный человек и в казахских степях — Алдарбай Исякаев в составе делегации Алексея Тевкелева в начале 1730-ых годов ездил в Младший жуз. Во многом благодаря его усилиям хан Абулхаир принял российское подданство. С позиций сегодняшнего дня это историческое событие можно рассматривать по-разному. Но в условиях джунгарского нашествия и конфликтов с другими воинственными соседями, ханское решение, наверное, было единственно правильным. Кстати, сам Абулхаир был женат на бурзянке из селения Котлоюл, что находится в Куяргазинском районе нынешнего Башкортостана¹⁵. От этого брака родился Каратай-султан (по другим данным, Карагай-султан).

Табынцы. Племя табын сыграло чрезвычайно важную роль в этногенезе башкирского народа. По информации Кунгурского бургомистра Юхнева, в 1725—1726 годах табынцы составили приблизительно 60 тысяч человек. К тому времени это — четверть башкирского народа.

Башкирские табынцы в XV—XVI веках разделились на две ветви. Восточные роды заселились в Зауралье, в том числе на территории исторического Башкортостана (нынешние Челябинская и Курганская области России). Это кара-табын, барын-табын, теләу-табын, күбәләк-табын и другие. В центральный Башкортостан перебрались кесе («младшие» табынцы), бишул, харт, кәлсер, дыуан, йомран, кумырык и остальные роды. Еще одна часть восточных табынцев в XVI веке под предводительством Каратабын-бия покинула свои владения на

берегах реки Миасс и выдвинувшись дальше на северо-запад, обосновалась на севере нынешнего Башкортостана. Аулы башкир-табынцев имеются также в Саратовской и Самарской областях Российской Федерации. Топоним «табын яланы» («поле табынцев») зафиксирован в Татарстане и имеет башкирское происхождение.

Восточные табынцы прославились своими «брутальными» личностями. Например, живший в XVIII веке тархан Таймас Шаимов вошел в историю как непревзойденный полководец и дипломат. Совместно с казаками он успешно сражался против джунгарцев и пользовался огромным уважением в степи. Выходец из рода барын-табын, легендарный Муса Муртазин руководил самым боеспособным полком в армии Заки Валиди и внес ошутимую лепту в создание Башкирской автономной республики. Каратабынцы — выходец из Челябинской области Эльбурс Нигматуллин стал четырехкратным победителем турнира «Самый сильный человек России» и вице-чемпионом мира по стронгмену 2005 года, а его земляк — боксер Хабир Сулейманов, проживающий ныне в США, в конце 2011 года стал чемпионом Северной Америки в легком весе.

Казахские табынцы. Наиболее подробные письменные сведения о казахских табынцах содержатся в докладе царского дипломата и шпиона Алексея Тевкелева от 1748 года. Это многочисленное племя, по его словам, состояло из четырех родов — жаманкерей, кайыркожа, бозым, бегим.

Нынешнее поколение историков квалифицирует табынцев следующим образом. Существует три рода — таракты, шомишти и косеули. В состав шомишти (бозым) входят подроды кайыркожа, асан, токсыыйк. В таракты (тогым) — жаманкерей, жылкышы, акдәулет и амандәулет. А род косеули (ағым) включает в себя айдар, таушан, теке, кожантай, карамонке, данда. По данным ДНК-исследований, именно косеули генетически наиболее близки к башкирским табынцам¹⁶.

В начале XX века племя насчитывало 80 тысяч человек. Раньше оно обитало в непосредственной близости от своих братьев башкир — табынцев с берегов Тобола, Уя и оренбургских степей.

Доказано, что башкирские, казахские, каракалпакские и ногайские табынцы некогда составляли единый народ. Их нынешние потомки признают единого предка — ата Майкы-бия. По словам средневекового историка и политического деятеля Рашид-эддина, Майкы-бий был весьма влиятельным человеком в степях, что он-де «ездил в одной повозке с самим Чингиз-ханом». В башкирских шежере говорится, что предком Майкы-бия был Тумен-бий, основатель Тюркского каганата в VI веке. Примерно в тот же период времени табынцы переселились в Семиречье. И смешиваясь с кипчаками, в потоке общетюркского переселения, пошли дальше на запад — на Приаралье. И, видимо, после татаро-монгольского нашествия разделились на разрозненные части, войдя в состав ново-тюркских «алашских» народов. По сведениям историка Гродекова, военный клич у сырдарьинских табынцев — «тостаған» и «серке», а у западных — «алаш». Заметим, что оран у башкортских табынцев — «салауат», священная птица — сокол, дерево — сосна. Самые распространенные тамги — «сүмес», ковш («шомиш» у казахских табынцев) и «тустак», деревянная чаша («тостаған»). Все это свидетельствует об этническом единстве наших народов.

Телеу. Первые сведения о казахских телеу появились в русских источниках в середине XVIII века. Царский посланник генерал Алексей Тевкелев (крещеный татарин знатного происхождения) в своем отчете упоминает их в составе жетиру. Племя состояло из четырех родов — ажихмет, ногай, самат и керейли. По

Гродекову, родовые танбы казахских телеу идентичны тамгам их башкирских собратьев. Военный клич «Тулпар» и «Армак». Родовые подразделения телеу имеются и у кочевых узбеков.

Башкирские телю проживают южнее кара-табынцев (на территории нынешних Абзелиловского и Учалинского районов Башкортостана), вдоль берегов рек Яйык и Малый Кызыл. Они ближайšie соседи этнически близкого им рода кубалаяк. Часто их объединяют под общим этнонимом «күбэлэк-теләу». По легенде, Телю и Кубалаяк были родными братьями. Сохранились обрывочные сведения о существовании конфедерации Телеу в рамках Золотой Орды, которая позже распалась. Родственные табынцы, телеу и кубалаяк вошли в состав разных народов, прежде всего башкир, казахов, каракалпаков и курама — узбеков.

Тама. Следующим членом союза жетиру были казахи тама. К началу XX века их насчитывалось до 45 тысяч человек. Тама родственны племенам тума и тана, которые не входят в жетиру, но находятся в составе Младшего жуза. Ученые сходятся во мнении, что все эти этнонимы производные от «тумэте», названия монголоязычного племени. По сведениям историка и государственного деятеля Рашид-эд дина (жил на рубеже XIII—XIV веков), тумэте обитали в верхнем течении Енисея, по соседству с енисейскими кыргызами. Во время Тюркского каганата началось «выдвижение» тюркоязычных племен, в том числе монгольского происхождения, в район Семиречья (Восточный Казахстан), и далее на северо-запад. В X веке бывшие тумэте, раздробившиеся на тума, тама и тана, вошли в состав крупных племен огузо-печенежской орды. В дальнейшем они совместно с древнебашкирскими племенами бурзян, усерган, тунгаур и другими пришли на берега великих степных рек — Волги и Яйыка (Урала). В это время на исторической арене появляется и «тамъян ырыуы», одно из семи племен конфедерации «ете-ырыу», совместно с другими составившей основу башкортского народа. Нет сомнений: тамъянцы — эти те же «тумэте», только отделившиеся от своих собратьев тама, тума и тана, и перекочевавшие далеко на северо-восток. Николай Аристов, великолепный знаток истории тюркских народов, считал, что тамъянцы в этническом плане самые близкие родственники тама. Кстати, потомки тумэте стали своими и среди каракалпаков и узбеков (тама), лакайцев и кыргызов (каратума), алтайцев (каратуума).

Не слишком ли мы упрощаем историю? Не являются ли отрывочные сведения о прошлом плодом фантазии или банальных совпадений? Но любителям «докопаться» до истины приходят на помощь свидетельства именитых летописцев из числа путешественников, дипломатов, историков, царских чиновников, офицеров — современников тех далеких событий. Они, бесстрашные очевидцы, успели зафиксировать еще «не ангажированные» политическим или иным заказом факты, в том числе и из уст старейшин родов, аксакалов, хранителей исторической памяти народа. Первейшие атрибуты племени — военный клич, священная птица, животное-покровитель, предок-хранитель и, особенно, шежере и родовые «печати» — тамги (танба) позволяют судить не только о собственной истории, но и о степени близости с другими народами.

Тамъянцы имеют основную тамгу в виде прута (сыбык), она же имеется и у казахских тама. Есть и другая — в форме подковы (даға). Аналогичная же тамга и у тана, но у казахов-тама ее нет. По мнению башкирского ученого-этнографа Рима Янгужина, тамъянцы имели наиболее тесные этнические отношения именно с тана. В этом его взгляды несколько расходятся с мнением другого историка, Николая Аристова, который утверждал, что тамъянцы самые близкие родичи

казахов тама. Когда-то они вместе (тана, тама, тума и тамъян) кочевали по берегам Эмбы и Яйыка. Эти связи продолжались и в средние века. Но сходство основных тамг тана и тамъян (например, «кольцо» зафиксировано только у этих двух племен, но отсутствует у других, в том числе и у тама и тума) говорит о продолжительных близких связях этих племен. Военный клич у тама — «Карабура». У тамъянцев — «Тутыя», дерево — сосна, птица — ворон.

Любопытная легенда существует у западных тамъянцев. Некогда башкиры выдали девушку за знатного казахского парня. Вместе с ее приданным случайно «ушло» в степи и шежере рода. Через некоторое время сваты-казахи вернули главное генеалогическое богатство тамъянцев¹⁷.

Тама в XV—XVI веках сыграли большую роль в военно-политической жизни Казахского и Ногайского ханств. В начале XX века племя тама насчитывало до 45 тысяч человек. О мудром и смелом лидере племени — Шоре батыре сложены немало легенд.

Башкиры-тамъянцы, некогда ушедшие в горностепную часть Башкортостана, в X—XII веках освоили земли в верхнем течении реки Дим (Дема). Затем часть их пошла на юг, вдоль Белой реки (Агидели) к ее верховьям и постепенно вышла к берегам Урала. Там тамъянцы вновь застали своих собратьев из тама и тана. Надо полагать, что эти связи никогда и не прерывались, в разной степени интенсивности существовали всегда. Рим Янгужин пишет, что военно-политические и торговые отношения тамъянцев и тама продолжались в средние века у берегов Ак Жайыка, в тургайских степях. По данным Кунгурского бургомистра Юхнева, численность племени тамъян в начале XVIII века достигла 21 тысячи человек. Ныне их потомки проживают раздельно двумя большими группами. Одна сосредоточена на востоке — у берегов рек Кесе (Малый) и Оло (Большой) Кызыл, Яйык и Агидели (Белая). Другая часть — на юго-западе Башкортостана, у берегов Нугуша, и вдоль среднего и нижнего течения реки Белой.

Остальные три племени жетиру называются рамадан, керейт и кердери. Они менее многочисленны, но играли важную роль в общественно-политической жизни союза. До революции 1917 года рамадан насчитывал до 5 тысяч, керейт до 33 тысяч, кердери до 20 тысяч человек. Кстати, первые письменные сведения о племенах жетиру (кроме жагалбайлы) относятся к середине XVIII века и довольно скупы.

Кердери имеют близкие родственные отношения с каракалпаками. Их родиной является южная часть Аральского моря, которое по народным преданиям называлось не иначе как «Кердери тенизи» («Море Кердери»). Основная тамга племени зафиксирована в форме Q (кольца). Военный клич — «Кожамет».

О происхождении племени рамадан ряд предположений высказали знатоки казахской истории М.Тынышбаев и Н.Гродеков. По их мнению, рамаданцы имеют общие этнические корни с албанами и дулатами Старшего жуза. Военный клич у них — «Албан». Основная тамга — «скобы». Родовое подразделение рамазан зафиксировано также у других родственных народов, в том числе и у башкортвов.

Керейт. В подданстве Ногайской орды, образованной в конце XIV века, было целое «созвездие» племен, позже вошедших в состав казахского и башкирского народов. Керейты в их числе. Некоторые ученые связывают их с кереями Среднего жуза. Известно, что в X—XII веках на территории Забайкалья, Монголии и Восточного Казахстана существовала конфедерация монголоязычных племен со своими законами, письменностью, армией и т.д. Представителями одного из

основных этносов степного государства были керейты (от монгольского «вороны»). Варианты этнонима — кериед, керизэд, хэриээд, кэраид, керейт, керей, гирей. Предполагается, еще в XIII веке преследуемые монгольскими отрядами часть керейтов ушла на запад и, потеряв связи со своими сородичами с берегов Черного Иртыша, стала самостоятельным племенем. Позже, в XVII веке, хан Тауке включил «раскольников» в состав жетиру. Башкирские киреи (герейцы) проживают двумя большими группами на юге и северо-западе республики с охватом Актанышского района соседнего Татарстана.

Все племена жетиру имели давние и устойчивые связи со своими соседями — башкортами. Общие этнические корни способствовали мирному характеру этих отношений. Однако, начиная с середины XVIII века, эти отношения подверглись серьезным испытаниям, виной чему стало целенаправленное натравливание соседей друг на друга. Странно, но именно в это непростое время в степях Казахстана образовался новый род — «естек руы»...

Итак, кто же они, «новые казахи» из числа башкир?

Призраки с севера

Одиноким беркут, паривший над степью, удивленно застыл в бездонной синеве неба. Взору птицы открылась странная картина. Далеко на севере появилось темное пятно. Оно быстро двигалось, постепенно обретая вполне различимые очертания. Группа всадников с гиканьем гнала табун лошадей, столб пыли неотступно преследовал их. Мчались они на юго-запад, вглубь казахской территории. Мужчины были отлично вооружены — за спиной у каждого торчали ружья, боевые луки, колчаны со стрелами. Сабли и ножи колыхались в такт галопа низкорослых лошадей. Рядом скакали запасные животные, навьюченные нехитрым походным скарбом. Эти были воины-естеки, направляющиеся в кочевья дружественного рода кете.

После поражения Салавата Юлаева башкиры присмирели. Все батыры были убиты или сосланы на каторгу. В аулах хозяйничали каратели и отряды «верных» старшин. Везде царил дух смерти и уныния. С лесистых гор спускались последние группы мятежников. Измученные и сломленные, они подъезжали к крепостным стенам и покорно ждали своей участи, демонстративно побросав нехитрое свое оружие.

Но сдались не все. Братья Сабыр, Сары, Балтас с друзьями решили уйти в степи. Туда, где еще не ступала нога царского солдата, где еще сохранилась свобода для всех. Эти были как на подбор высокие, молодые, стройные парни. В их горящих глазах чувствовались сила и решительность.

После изнурительного перехода по равнинам Башкирии, словно призраки подобрались они к пограничному Яйыку. Это было смертельно опасное место. На каждом шагу встречались заставы, редуты, в самых неожиданных местах можно было наткнуться на пикеты. Беглецы были крайне осторожны, но у самой переправы нарвались на группу из пяти казаков. Завязался рукопашный бой, несчастные были безжалостно зарезаны. Их оружие досталось башкортам. Но шум борьбы привлек внимание заставы — один из казаков успел-таки нажать на курок. Вслед за грохотом выстрела послышались крики, конский топот, сюда спешили пограничники. Тем не менее, воинам удалось без лишней суеты переправиться через реку, благо их лошади были приучены к этому.

Следующим вечером заметили табун, мирно пасущийся в урочище Ак тобе. Недалеко был разбит лагерь, курился дым костров, на вершине стоял часовой.

Это солдаты возвращались из рейда в Малый жуз, где, по сведениям шпионов, пряталась группа «воров» с севера¹⁸. наших беглецов никто не увидел, и это представлялось добрым знаком! Решение было принято. Ажибий, глава кете и давний друг Балтас-батыра, получит отличный подарок — табун солдатских лошадей! Ночью воины угнали его.

Старый беркут, бывалый воин, с удовольствием следил за удалцами — естекками. Но вот насторожился, заметив преследователей, мчавшихся впереди столба пыли. Солдат было много, а животные под ними хорошо отдохнувшими, и они постепенно догоняли беглецов. Вот башкорты разделились на две части. Некоторые из них продолжили свой путь, и темное пятно табуна стремительно уходило на юг. Остальные сосредоточились у подножия высокой сопки и приняли бой. Всю ночь шла перестрелка, а с первыми лучами солнца три израненных естекка вырвались из окружения. Отступая, они подожгли сухую траву, скоро начался степной пожар. Под защитой плотной стены дыма группа уходила все дальше на юг. А на вершине невысокой горы остались две могилы, спешно закиданные камнями. Копье, воткнутое в землю острием вниз, свидетельствовало, — смерть их была уже отомщена. Позже местность назовут Кош естек, вершина, где погибли два башкорта.

Через день беглецы достигли кочевья кете. Их друзья и табун похищенных лошадей были уже здесь. Старшина Ажибай, один из влиятельнейших биев орды, вышел навстречу гостям. Встретил с почестями, как самых дорогих гостей — конаков. Глава рода прекрасно осознавал, что добрый прием врагов русской царицы вряд ли понравится Нуралы-хану, формальному правителю Малого жуза. Но будучи весьма властным и авторитетным человеком, он в очередной раз хотел подчеркнуть самостоятельность в принятии важных решений. Ведь батыры и могущественные бии казахских степей всегда отличались независимостью. Еще живы были традиции военной демократии, золотой поры воинственных кочевников.

Люди с восхищением смотрели на своих братьев — башкортов из-за Ак Жайыка. Это были герои, настоящие мужчины. Вновь прибывшие въехали на середину лагеря и остановили лошадей. Один из них вытащил из своего куржына, дорожного мешка, окровавленную человеческую голову.

— Токсаба!

Вслед за боевым кличем кипчаков, на землю полетел страшный трофей. Это был древний обычай, описанный Ибн Фадланом еще в X веке. Воины башкорты убив врага, отрубали ему голову и уносили с собой. Сила и дух противника, таким образом, переходит к победителю. Это был дикий, омерзительный обычай, забытый даже самими башкортами. Помнил лишь один человек, этот страшный естек с севера. Так он получил прозвище Жаман Естек.

Беглые башкорты остались в общине кете-алимулинцев навсегда. Они нашли надежное убежище, стали призраками для своих врагов. Приобрели то, что искали, что ставили выше всего в жизни, за что так отчаянно дрались, — свободу. Право жить по-своему. Так, как жили их отцы и деды. Да, они избавились от гнета и унижений, но не смогли избавиться от чувства потерянной родины. И в этом была их боль, их трагедия. Но впереди была целая жизнь, была вольная степь, были верные друзья. Надо было жить...

Так, Балтас батыр (соратник Салавата Юлаева), Сары, Жаман и их двое друзей дали начало новому клану казахов «естек-кете».

Эта легенда в различных вариациях существует во многих родах Малого и Среднего жузов. По мнению информатора Сансызбая Куатова из рода балтас-естек, его предки некогда жили в Среднем жузе и принадлежали к аргынам-каракесекам. В тридцатые годы XVIII века хан Шемеке (Семеке) с десятью тысячами семей прикочевал в Башкирию. Эти люди спасались от джунгарского нашествия, а во время войны Карасакала оказались на стороне башкирских повстанцев. После подавления восстания, один из казахских предводителей по имени Балта-батыр не захотел вернуться в Среднюю орду. Со своими сыновьями пришел во владения Малой орды, к предводителям племени кете из конфедерации алимулы — Арал-батыру и Ажибию, попросив у них разрешения остаться. Они не являются башкирами по крови, а названы так, потому что побывали в Башкирии, пришли из тех краев. Так объяснил Сансызбай Габдуллинович происхождение этнонима «естек».

Временем появления естек в южных степях порой называют XVI—XVII века, но чаще всего 30—40-ые годы XVIII века. Более правдоподобным представляется последнее утверждение. Дело в том, что именно в этот период башкирские восстания начали терпеть неудачу (в XVI—XVII веках и в начале XVIII века они, как правило, заканчивались перемирием или полной победой «иностранцев»), и в результате кровавых репрессий начался массовый исход башкир в степи. Наиболее древними родовыми селениями «естек руы» считаются аулы Акштатау Уильского района и Кос Естек Каргалинского района Актюбинской области РК. А в бывшем Среднем жузе, в Ауликольском районе Костанайской области сосредоточены естек-керей.

Но самое парадоксальное заключается в том, что в Башкортостане мало кто знает о существовании в казахских степях родовых подразделений «башкорт» («естек»). В официальной советской историографии, видимо, не поощрялись исследования в этой области. Ведь они основывались бы не на доктрине классовой солидарности, а на этнической и религиозной близости народов. Нет у нас и легенды о башкирском Робин Гуде, бытующей в Казахстане. Но благодарная память народа сохранила и донесла до нас удивительную историю об этом человеке. Итак, кто же он, загадочный степной рыцарь по имени Естек-батыр?

Сказание о Естек-батыре

В очень давние времена сын богатого башкортского бека появился в Среднем жузе. Это был невероятно смелый и сильный человек, совершивший много подвигов у себя на родине, но вынужденный покинуть ее. Отважный и благородный джигит в скором времени стал своим и здесь, в казахских степях. Он помогал бедным, защищал слабых, был смелым до безрассудства. Как-то бросился вдогонку за барымтачами и отбил у них табун лошадей, угнанных у достопочтенного Сейтимбет-бия. В благодарность бездетный аксакал рода ашамайлы-керей усыновил батыра и женил его на казахской девушке. Дети и внуки Естек-батыра считали себя казахами и говорили: «мы — сейтимбеты». От них, якобы, и пошел «род башкорт», «естек руы».

Это легенда сейтимбет-кереев Среднего жуза. А вот какое предание бытует у казахов из племени аргын. Материал любезно предоставлен известным педагогом-краеведом Гульсарой Зикириной из города Кокчетав:

«Эту легенду мы записали со слов представителя этого рода, проживающего на территории Акмолинской области в селе Кенесары Исина Ашербека. Данная легенда проливает свет на то, каким образом естеки появились на территории

Среднего жуза, и почему они относят себя к роду атыгай племени аргын. В давние времена во время одного из военных столкновений пропал молодой батыр из рода атыгай. Старший брат по имени Айтымбет вышел на поиски батыра. На берегу реки Яик он увидел пасущуюся лошадь во всем конском снаряжении, там же он обнаружил следы человека, но на его долгие призывы никто не отзывался. Тогда Айтымбет поведал этому невидимому собеседнику о своей горе и вновь попросил его показаться. Но тот согласился выйти из своего укрытия только в том случае, если ему пообещают безопасность. Айтымбет, не задумываясь, дал такую клятву. Тут из камыша появился молодой мужчина и поведал о том, что младший брат Айтымбета пал в неравном бою, а потом рассказал свою печальную историю. Некогда он служил главным визирем при дворе хана, но случилось ему влюбиться в девушку, которую полюбил и ханский сын. В поединке молодой мужчина убил своего соперника. И вот теперь он вынужден скрываться от людей, ибо его неминуемо настигнет ханская кара. Выслушав этот горький рассказ, наш герой принял решение приютить несчастного. Вернувшись домой, Айтымбет женил его на вдове погибшего брата по имени Алтын. С тех самых пор мужчина бросил «батырство» и стал абызом, то есть мудрецом».

Но кем являлся на самом деле человек, вошедший в золотой фонд казахского фольклора под именем Естек-батыр? Возможно, это реальная личность, скорее всего из числа башкирских лидеров, скрывшихся за «кордоном» после «злодеяний» в Башкирии. В первую очередь на ум приходит великий Карасакал, о котором в 1748 году Алексей Тевкелев написал пару строк в своем отчете. Царский шпион доносит до сведения властей, что сей самозванный хан, затеявший бунт 1739—1740 годов, неплохо устроился среди казахов Среднего жуза, и что в его подчинении несколько крупных племен, таких как керей, найман и другие. Лазутчики в степях доносили о походе Карасакала, организованным им против джунгарцев. Иными словами, легенда керейцев о Естек-батыре поразительным образом сочетается с историческими сведениями, зафиксированными в письменных документах. Карасакал, по некоторым данным, башкир-вотчинник Миндигул Юнаев из племени юрматы, и в самом деле выдавал себя то за знатного тархана, то за султана, то за брата калмыцкого контайши. Он выделялся огромным ростом, обладал ораторским даром, слыл очень религиозным человеком — хаджи, и характер имел весьма решительный. То есть из такого удальца легко мог получиться бесстрашный и благородный Естек-батыр. Возможно, речь идет о Таймасае Шаимове, не раз обратившем в бегство джунгарцев? Впрочем, не будем забывать, что эти бескрайние степи и знойные пустыни стали надежным пристанищем (порой до конца жизни) и для Кинзи Арысланова, Караная Муратова, Сабыра Котломбетова и многих других героев восстаний. Конечный период их жизни окутан плотным туманом таинственности и неизвестности. Несмотря на все угрозы со стороны колониальных властей, казахи проявили удивительную стойкость, так и не выдав их жаждущим крови карателям. К слову, после поражения в Крестьянской войне Салават Юлаев тоже направлялся за Яйык, но не успел дойти до границы — был выдан предателями. Все они вполне могли стать прототипами Башкорт-батыра, воспетого в прекрасных казахских легендах.

Соратники по оружию

Знойное лето 1724 года. Объединенное войско казахов, башкир и каракалпаков напало на улусы тайши Доржи Назарова. После продолжительного боя калмыки вынуждены были отступить в низовья Волги. Казахские роды Малого

жуза и их соседи каракалпаки получили возможность свободно кочевать между Эмбой, Яйыком и Итилем. Башкортые же обеспечили безопасность своих южных территорий. Кроме того, отомстили за предательство Аюки-хана, отца нынешнего тайши, который в войне 1705—1711 годов примкнул к лагерю восставших, но затем, опасаясь царского гнева, с огнем и мечом прошелся по башкирским аулам. В Абзелиловском районе Башкортостана, недалеко от селения Аскар, есть гора Аюка, где встретились в жестоком бою отряды башкир и калмыков. Отметим, что столкновения с этим воинственным степным народом начались еще в XVII веке, когда ойраты (джунгарцы) вторглись в южную Башкирию. Топонимика этих мест и многочисленные народные предания хранят память о тех суровых временах.

Казахи же, в отличие от джунгарцев, в большинстве случаев неизменно оказывались на стороне своих сородичей и единоверцев. В этой главе мы расскажем об этом подробнее. Но сначала ответим на вопрос, какие причины вызвали упорную антиколониальную борьбу башкирского народа?

Как известно, южноуральские племена приняли российское подданство добровольно, еще в середине XVI века. Исключением являются лишь северо-восточные племена табынцев, айле, кошсо, бала и ялан катаяцы, мекетинцы, салжиуты и некоторые другие роды. С вождем каждого племени (бием) был заключен письменный договор с выдачей «подтвердительного письма» — грамоты. В них четко определялись границы вотчинных земель и гарантировалась их неприкосновенность. Башкиры получили право сохранять традиционный образ жизни, веру, культуру и т.д. В их обязанности входило участие в войнах русского государства, плата небольшого ясака. Когда началась колонизация края, все эти договоры были грубо нарушены. Ответом стали вооруженные выступления башкир, которые, по словам знаменитого исследователя края Палласа, в течение столетий «расшатывали основу российского государства». Сами башкортые вряд ли догадывались об этой сомнительной славе, ведь за оружие они брались не по собственной воле, а будучи доведенными до отчаяния действиями царских властей.

К сожалению, эти войны начались практически сразу после заключения договоров. Известны попытки помешать строительству главного колониального города края — Уфы. Чуть позже, в 1584—1586 годах, 1645 году, 1663—1668 годах, 1681—1684 годах башкиры протестовали против строительства укрепленных крепостей и слобод на их земле, а также успешно противостояли многочисленным попыткам насильственной христианизации и увеличения размеров ясака. По подсчетам историков, в течение XVI—XIX веков произошло более трехсот случаев «замешательств» — от локальных бунтов до крупномасштабных войн с участием коренного населения края. В некоторых из них башкиры прибегали к помощи своих соседей — «инородцев» в лице татар, мещеряков (этнографическая группа татар, но с ярко выраженными финно-угорскими корнями), чувашей, удмуртов, мари. Иногда к восставшим присоединялись угнетенные массы русских крестьян и казаков.

Но мы остановимся на восстаниях, в которых принимали участие казахи Малого и Среднего жузов. Рассмотрим лишь XVIII век, хотя южные соседи помогали башкирам и в ходе предыдущих выступлений.

«Война Кусем батыра» (1705—1711 годы)

В 120 километрах южнее Уфы, в окрестностях священной горы Юрактау, окружен и в считанные часы разгромлен полк известного «усмирителя башкир» П.И.Хохлова.

400 карателей попали в руки башкир. Сам же полковник получил тяжелое ранение и с остатками войска скрылся в Табынской крепости. К концу позорной эпопеи из полутора тысяч солдат в живых осталось лишь 370. Руководители башкирских отрядов Кусем батыр Тюлекеев и Алдарбай-тархан Исякаев одержали самую впечатляющую победу над правительственными войсками. Им помогли и казахи под предводительством Абулхаира. Молодой лидер Младшего жуза все время находился в передних рядах, в гуще событий, и даже получил ранение¹⁹.

Во время этой войны башкир активно поддерживали не только их союзники казахи, но и часть мишарского, чувашского народов. Предводителям восстания удалось склонить на свою сторону и калмыков. В самый разгар антиправительственных выступлений, по приглашению одного из лидеров движения Алдар-тархана Исякаева, в Башкирию прибывает будущий правитель Казахского ханства. Отметим, что после смерти легендарного Тауке-хана, Абулхаир стал первым человеком, которого выбрали лидером всех трех жузов. Но это поистине историческое событие произошло лишь в начале двадцатых годов XVIII века, тогда как башкиры подняли Абулхаира на белом ковре еще в ходе описываемого восстания, в 1707 году. Повстанцами руководило желание придать своему выступлению политический вес, заручиться поддержкой казахских родов и призвать под ханские знамена большее число недовольных. В результате упорного сопротивления башкиры добились подтверждения гарантий неприкосновенности вотчинных прав. Некоторые чиновники, допустившие жестокость по отношению к коренным жителям края, были наказаны. В течение последующих 25 лет Башкирия оставалась фактически самоуправляемой территорией Российской империи. Тут верховенствовали каноны племенного самоуправления, а наиболее актуальные вопросы решались на всеобщих съездах — йыйынах. Колонизация края прекратилась.

«Поход на Казань» (1717 год)

Башкорты и казахи, собрав десяти тысячное войско, взяли крепость Новшешминск. Однако, после непродолжительной осады солдаты полковника Суяза сумели выбить мятежников из укрепления. Но волнения уже охватили всю Башкирию. С намерениями взять Казань объединенное башкиро-казахское войско устремилось на запад, но вынуждено было остановиться всего в 30 верстах от города. Подвергнуты нападению русские поселения на берегах Камы, Самары и Волги. Их жители проданы в рабство далеко на юге — в Бухаре и Хиве. Восстание подавлено силами полковников Ховановского и Бартенева²⁰.

«Война за Яйык» (1736—1740 годы)

Пожалуй, так можно обозначить суть крупнейшего и наиболее кровопролитного восстания башкир. После затишья продолжительностью в четверть века царизм начал новое наступление на юго-восточной окраине империи. Загнать «волчий народ» в ловушку! Коренные жители края предприняли отчаянную попытку не допустить строительства Орска — «Яман калы» («Плохого города») и укрепленных поселений по всему верхнему и среднему течению реки Яйык.

Воздвигнув своеобразную «китайскую стену», царские власти планировали прекратить традиционно союзнические связи двух народов, а в будущем — получить выход в южные степи.

Первые акты этой героической драмы относятся к тридцатым годам XVIII века, когда казахи Малого жуза вошли в состав Российского государства. В том историческом событии большую роль сыграли и башкирские старшины — каратабынец Таймас Шаимов и бурзянец Алдарбай Исякаев (в некоторых источниках Исянгильдин). Почему именно эти люди? Таймас Шаимов был известен верной службой царизму, в ходе башкирских войн неизменно оказывался на стороне правительства. Алдарбай Исякаев же прославился в ходе второго Азовского похода Петра Великого в 1695 году. Когда встретились на поле брани турецкие и русские войска, по обычаю тех времен каждая сторона выставила своего богатыря. Со стороны армии Петра вышел Алдарбай Исякаев и в скоротечном поединке с черкесским батыром убил его копьем. Сам Петр Великий наградил героя именной саблей и орденом²¹. Сие обстоятельство спасло его от наказания за участие в восстании 1705—1711 годов. Так вот, эти два старшины были включены в состав делегации известного нам Алексея Тевкелева. Поскольку вновь «испеченные» послы пользовались большим авторитетом у казахов, на них возлагались особые надежды. Они должны были приложить все силы, чтобы склонить киргис-кайсаков к принятию русского подданства. Понятно, что народные послы «горели» не столько высокими государственными интересами, а преследовали чисто практические цели — обезопасить свои кочевья от набегов. В условиях постоянных антиправительственных бунтов, мир с южными соседями был необходим как никогда. Теми же задачами руководствовался и Абулхаир-хан. В письме государыне Анне Ионовне он жаловался на «зауральских иштеков, угоняющих табуны лошадей». Больше чем башкиры беспокоили Абулхаир-хана яйцкие казаки, волжские калмыки и бухарцы. Но основная причина, вынудившая главу Малого жуза обратиться в Петербург, была постоянная угроза с непредсказуемого Востока, со стороны джунгарцев. Российское подданство, в случае его принятия, надежно защитило бы орду от традиционного «дамоклова меча».

Алексей Тевкелев, возглавивший экспедицию, прекрасно понимал эти нюансы, он был уверен в победе. Дипломат старался угодить всем, с первых дней своей миссии из кожи лез вон, чтобы стать приятным и щедрым посланником царской короны. Для этого не жалел не только казенных подарков, но был скор на скоропалительные обещания и лестные слова в адрес собравшейся знати. Но явно перестарался, так как казахские старшины быстро уловили нотки фальши в его «соловьинной песне». Кроме того, стало известно, что посол — из числа бывших татарских мурз, принявших христианство.

— Как ты смеешь обманывать нас? Ты, грязный прихвостень, продавший веру? Почему мы должны верить тебе? Ты обманываешь нас!

Один из горячих старшин, из тех, кто не хотел русского подданства, вытаскивал саблю. Жизнь до смерти перепуганного дипломата висела на волоске. Но за него заступились Алдарбай Исякаев и Таймас Шаимов. Лишь благодаря их решительности и авторитету двуличный человек, но почетный гость Тевкелев был спасен.

Прошло еще шесть лет. Царский каратель, полковник Тевкелев запер в амбаре 106 представителей рода балыксы из мирного аула Сеянтус (нынешний Аскинский район Башкортостана) и сжег их живьем — детей, женщин, стариков, мужчин. Еще более тысячи жителей были убиты в тот страшный зимний день.

Один из немногих оставшихся в живых, старый знахарь, написал проклятие на камне. Эти корявые черные знаки были адресованы жестокому палачу²²...

Так отблагодарил Алексей Тевкелев своего башкирского друга. Скоро после страшных событий в Балыкчинской волости Алдарбай тархан Исякаев, не принявший участия в восстании 1735—1740 годов, был казнен в Мензелинске. Полковник Тевкелев знал о его заточении, но остался глух к просьбам родственников батыра. Ведь он был очень занят, руководил военными операциями по уничтожению «бунтовщиков». В этих делах палач башкирского народа преуспел настолько, что в ходе подавления очередного восстания, в сентябре 1755 года, указом сената ему было присвоено звание генерал-майора. Но предсмертное проклятие жителей Сеянтуса настигло семью генерала. Настигло спустя почти сорок лет. К этому времени сам Тевкелев был мертв. Одного из его сыновей, Юсуфа, нашли повешенным на дереве недалеко от родового поместья. Другой, царский офицер, был сражен башкирской стрелой под Бугульмой. Это мстил за Алдарбая Исякаева его внук, пугачевский полковник Каранай батыр Муратов. Так говорится в предании.

И закрывая тему Тевкелева. В 2011 году в Челябинске прошли юбилейные мероприятия по случаю 275-летия со дня основания города. Портреты многих известных и уважаемых людей украсили улицы южноуральского мегаполиса. Но, к большому негодованию башкирского населения и прогрессивной общественности области, среди них оказался и Алексей Тевкелев, один из отцов-основателей колониального города. В ответ на протесты, местные власти привели в качестве одного из аргументов то, что якобы «Тевкелев является национальным героем у казахов». Ответ казахстанской общественности последовал немедленно. В письме директора Института истории и этнологии имени Чокана Валиханова, доктора, профессора Х.Абжанова губернатору Челябинской области РФ М.Юревичу от 10 августа 2011 года «геройство Тевкелева у казахов» подвергается большому сомнению.

Да, степняки приняли российское подданство. Абулхаир навсегда вошел в историю как мудрый и дальновидный политик. Русская культура, новые типы хозяйствования, достижения техники — все это оказало прогрессивное влияние на казахское общество. Тот же путь — трудный, полный лишений и жертв — прошел и башкирский народ.

Но в глазах многих казахов Абулхаир и его сторонники стали предателями. Не понял своих старшин, принявших участие в миссии Тевкелева, и большинство башкир. За Алдарбай-тарханом и Таймас-батыром закрепилось прозвище «куштан» — «прихвостень» колониальных властей. Лишь Тевкелев почивал на лаврах. После удачной дипломатической миссии он стал любимцем императрицы. Еще не раз побывал он в казахской степи, где собирал сведения о новой стране. Корона нуждалась в его услугах — Россия готовилась к историческому «прыжку» на Восток, а казахские территории должны были стать трамплином для этого.

В ходе переговоров с некоторыми казахскими предводителями Малого жуза была достигнута договоренность о строительстве города Орска. Тут же начали возникать крепости по всей длине реки Яйык. Укрепленная линия была готова к середине 30-ых годов XVIII века и находилась на границе владений башкортвов и казахов. Цель была одна — разделить эти народы, прекратить их совместные выступления, отрезать пути отступления повстанцев в степи. Прекрасно понимая опасность сложившейся ситуации, башкортвы в очередной раз оседлали своих

боевых коней. Началась самая жестокая война в башкирской истории. В ходе нее, по утверждению американского историка Александра Донелли, каждый четвертый башкорт был убит²³.

Сначала башкиры напали на армейскую колонну, вышедшую из Уфы. Ею командовал сам Кириллов, будущий правитель Оренбургского края. Пятнадцать рот пехоты с двадцати пятью пушками направлялись к берегам Ори — месту будущего города. Маршрут колонны проходил через горное ущелье, где и была устроена засада. В ожесточенном бою погибли 32 пехотинца и 18 конных солдат, а также гарнизонный поп. Положение окруженных становилось все отчаяннее, так как подмога из Уфы, резервный полк, также подверглась нападению. Однако, вооруженные более современным оружием солдаты при поддержке «верных» башкир смогли прорваться к реке Орь, где 6 августа 1735 года был заложен первый камень будущего города. Прозванный местным населением «плохим, страшным», он практически сразу же начал подвергаться нападениям восставших башкир. К ним присоединились и воины не признавших российского подданства казахских родов. Кстати, новый городок сначала назывался Оренбургом (до 1739 года), но это не нынешний областной центр под тем же названием. «Настоящий» же Оренбург возник чуть позже, в 1743 году, ниже по течению реки Яйык.

На обратном пути военная экспедиция Кириллова вновь стала жертвой нападения. Более 6000 верховых башкир, в основном юрматинцы, минцы и кипчаки, с военными кличами налетели на колонну. По численности они превосходили войско Кириллова. Солдатами овладела настоящая паника, но благодаря усилиям опытных офицеров была организована толковая оборона, в результате чего удалось отбросить башкир. При этом повстанцы понесли серьезные потери. Изрядно были потрепаны и кирилловские роты. Но солдаты, оставшиеся в живых, возвращались довольными, ведь, несмотря на большие потери, миссия была выполнена. С возникновением многочисленных крепостей и городка Орска на яйцкой линии башкиры потеряли возможность беспрепятственно переходить государственную границу. «Волчий народ» оказался в капкане.

Война охватила всю Башкирию. Признанными лидерами башкирского сопротивления стали Акай Кусем, Бапана Турупбердин, Кильмяк абыз Нурушев и другие. На подавление «бунтующих» было брошены дополнительные силы — около 10000 яйцких казаков, 5000 калмыков, военизированные ополчения колонистов, дружины старшин-куштанов. К этому же лагерю примкнула большая часть инородческого населения, всем переселенцам было обещано бесплатное предоставление вотчинных земель повстанцев. Но сначала их нужно было изгнать оттуда.

На стороне восставших оказались казахи Среднего жуза. Еще в начале войны десяти тысячное войско Семеке-хана вторглось в Башкирию и приняло участие в ряде сражений. В то же время некоторые представители степной знати предприняли ряд набегов на своих соседей. Например, в 1736 году Абдельмембет-хан из Среднего жуза напал на мятежных башкир, в бою погибли 80 человек. Это стало плодом коварной политики царизма.

Например, Кириллов пишет императрице 23 июня 1735 года:

«Великая государыня матушка, будь уверена, мы подавим башкир. Мы завоюем Арал и Ташкент. Сегодня мы в некоторой мере понесли жертвы, но богатая Бухара, Самарканд, Бадахшан будут принадлежать нам. Башкиры даже безоружные не боятся. Их не успокоить только резней и вещанием. Против них

надо использовать калмыков и испортить их взаимоотношения с кайсаками, то есть казах-киргизами. Башкиры, даже будучи безоружными, не боятся нас, не платят ясак и не идут в военную службу»²⁴.

В 1737 году в пылающую Башкирию по просьбе оренбургских властей прибывает сам Абулхаир-хан. Он должен был подавить восстание и посему шел во главе большого войска. Но башкиры сумели нейтрализовать его действия путем переговоров.

— Ты не враг нам! И никогда не был врагом! — горячо восклицали батыры. — Разве не ты сражался у священной горы Юрактау! Разве не ты проливал кровь за нашу и вашу свободу! Разве не ты шел в атаку в передних рядах? Или не тебя увезли в степи после того боя, увезли без сознания? Ты был и остаешься нашим ханом!

В конце концов, казахский полководец женился на башкирке из племени бурзян, что привело, говоря современным языком, к «перезагрузке» отношений между двумя народами²⁵.

Бои продолжались с переменным успехом. Вооруженные луками и стрелами, редко огнестрельным оружием, башкиры одержали ряд выдающихся побед. Например, в 100 километрах южнее Уфы Кильмяк-абыз Нурушев заманил в ловушку и уничтожил часть армии Румянцева. В ожесточенном сражении погибло 180 солдат. Еще 60, в их числе и полковник Усов, были ранены²⁶. В руки мятежников попало несколько полевых пушек, ружья, пистолеты и боеприпасы. Завладев неслыханным богатством, мортирами, башкиры начали охотиться за армейскими канонирами, похищать или нанимать их на службу. По ночам в крепости и вражеские лагеря проникали разведчики, которые пытались подобраться к артиллерийским расчетам, чтобы захватить в плен пушкарей — ведь своих у башкир не было, равно как и опыта обращения новым оружием. Артиллерия была применена в последующих боях, что стало неожиданностью для армии. Потом закончились ядра, и ставшие бесполезными пушки были спрятаны в надежных местах²⁷.

Потери армии росли. При переходе через реку Яйык на Сакмару в декабре 1735 года погибли не менее 500 солдат, в основном от голода и обморожения. Отряд майора Рагунского, направлявшийся в Течинск, также понес значительные потери. В итоге, главнокомандующего царскими войсками в Башкирии генерала Румянцева отозвали в Санкт-Петербург, а затем отправили на турецкий фронт. Императрица была очень недовольна неудачами в крае. Ее фаворит, один из самых опытных военачальников Российской империи, не оправдал надежду на быстрое решение башкирской проблемы.

Но время шло, война заканчивалась, измотанные жесточайшими боями и наступившим голодом, мятежники сдавались. По данным Оренбургской и Башкирской комиссий, 696 деревень было сожжено. Человеческие потери коренных жителей составили не менее 30 тысяч душ. Царский историк В.Татищев называл цифру 60000. Все военные вожди убиты или казнены — посажены на кол, повешены, обезглавлены. Однако, никто из них не просил прощения, никто не считал себя «бунтовщиком». Ведь они взялись за оружие, будучи доведенными до отчаяния, и лишь с одной единственной целью — защитить свои семьи, волю и вотчинные права на землю. Некоторые предпочли умереть в тюрьме, отказавшись принять пищу. Показателен пример Бапаны Турупбердина, который на допросе вел себя очень дерзко и никаких признаков покаяния не выказывал. Он и еще несколько человек были подвергнуты самому ужасному наказанию —

четвертованию на колесах. Кстати, именно Бапана сумел уговорить некоторых лидеров Малой орды принять сторону повстанцев. Имя этого мужественного человека сияет в созвездии выдающихся сыновей башкирского народа. Благодарные потомки помнят о великих делах великих лидеров движения — Кильмяк-абыза Нурушева, Акая Кусемова, Мандара Карабаева, Кусяпа Султангулова, Тюлькесуры Алдагулова.

Призрачное ханство Карасакала

Ранняя весна 1739 года. Страх и отчаяние властвуют в башкирских аулах. Война проиграна. Некогда могущественный народ, хозяин многотысячных табунов и бескрайних земель оказался на грани исчезновения.

Скот мятежников и боевые кони конфискованы в пользу армии. Трофейные пушки, ружья, а также традиционные луки и стрелы отобраны, кузницы закрыты под угрозой смертной казни. Нет оружия, нет батыров-предводителей. Те смельчаки, кто мог бы возглавить борьбу, давно убиты, казнены или отправлены на каторгу. Время от времени в селения врывались «всадники смерти» — каратели и их союзники — «верные» башкирцы и мещеряки, неся страх и унижения.

Осенью прошлого года власти начали перепись населения. Опять поползли слухи о том, что башкир хотят крестить, как несчастных татар-земледельцев²⁸... Конец года запомнился свирепым джухом. Неделями шел холодный дождь, потом резко похолодало и пастбища покрылись слоем льда. Сильно поредевший после повальной конфискации скот не мог добыть траву из-под льда и начался массовый падеж. Потом настала зима, к несчастью башкир, она выдалась долгой и холодной. Скудные запасы еды иссякли, и люди жестоко голодали — ели собак, мышей, кору деревьев. Некоторые продавали младенцев первым встречным — надо было прокормить остальных. Трупы валялись везде, хоронили их уже в общих могилах...

И тут объявился башкирский «хан». Огромного роста, чернобородый, без одного пальца, очень мужественный и необыкновенно смелый. Пришелец из ниоткуда обладал даром красноречия и убеждения. Звали «мессию» Султангарей. Впрочем, всем он стал известен под именем Карасакал-хана. Таинственный бородач говорил о своем знатном происхождении, о том, что час освобождения близок, что на помощь башкирам с Кубани вышло пятидесятитысячное войско. Скоро будет создано великое ханство, где не будет места несправедливости и притеснениям, где башкиры смогут кочевать там, где им захочется, где не будет ни русских, ни других чужаков. Союзники казахи, каракалпаки и даже волжские калмыки готовы присоединиться к новой войне. Будучи хаджи, глубоко религиозным человеком, Карасакал говорил о секретных молитвах, с которыми воины могли бы открыто, без боязни идти на врага. Ведь теперь они будут защищены самым чудесным образом — ни солдатские пули, ни стрелы «верных башкир» не смогут пробить их одежду... Карасакал знал чего хотят отчаявшиеся люди, поэтому говорил только то, что жаждали от него услышать. И ему верили, ему нельзя было не верить! Впоследствии эта слепая вера обернулась большой кровью.

В душах людей проснулась надежда, давно накапливаемый гнев требовал выхода. Молодежь рвалась в бой. Темными ночами, в полной тайне, прошли советы старейшин, и решение было принято. Весной 1739 года «волчий народ» снова оказался на стезе войны:

— Хей-хей, башкорттар! По коням! Пришло наше время!

По аулам снова поскакали гонцы, призывно запел курай, заиграла воинственная думбыра. На вершинах гор взвились сигнальные костры.

Люди практически с голыми руками напали на русские крепости юго-восточной Башкирии. Неся огромные потери, они захватили хорошо укрепленный Табынск²⁹, ряд мелких поселений, подожгли несколько заводов, заблокировали почтовые тракты. Все были на плохих, полудохлых лошадях, чудом выживших после джута. Не хватало оружия, люди дрались за захваченные ружья и пули. На призыв Карасакала откликнулись во многих местах. Обреченный, казалось бы, на гибель народ вставал, воскресал из пепла словно птица Феникс. На северо-востоке поднялись племена табынцев, дуванцы, айле, катайцы, салжиуты. Вслед за боевым кличем полетели стрелы юрматинцев, минцев, заволновались енейцы, таныпцы, еланцы, уранцы, гайнинцы, тазы, канглы.

Это восстание отличалось особой жестокостью как со стороны башкортов, так и правительственных войск. Князь Урусов лично руководил операцией по подавлению нового мятежа. Произошло несколько крупных сражений, но к осени бои утихли. Инициатива перешла в руки правительственных войск. Около 700 деревень было сожжено, их население вырезано, уведено в плен и роздано помещикам в центральной России. Боеприпасы и провизия повстанцев иссякли. Угрожающе приближалась еще одна голодная зима. Обещанной помощи с Кубани так и не дождались, и люди начали приходить с повинной. Урусов собрал в степи у города Орска 5000 сложивших оружие башкир и устроил показательную казнь их главарей и активных участников. В душах бунтарей поселился страх. Лишь на севере продолжались стычки с армией, заполонившей весь мятежный край.

Весной 1740 года Карасакал, разгромленный у озера Чебаркуль, решил уйти к казахам. Несколько тысяч «непримиримых» вместе с семьями и скотом направились на юг, обходя крепости стороной. Башкиры были на исхудалых после голодной зимы лошадях. Детей пришлось привязывать к седлам, иначе от усталости они падали на землю. На войлоках между двух лошадей везли раненых. Все были донельзя измотаны длинными переходами и бесконечными боями. Решив «примерно» наказать мятежников, солдаты никого в плен не брали. Их жертвами становились все, независимо от возраста, пола, физического состояния. Смертельно раненые просили оставить их на пути преследователей, с парой пистолетов. Одна пуля предназначалась для врага, вторая же для себя. Сдаваться смысла не было.

Беженцы повернули на восток, государственная граница была уже рядом. В устах застыло заветное заклинание:

— Дойти до Яйыка! Братья казахи помогут нам!

Арьергарду становилось все тяжелее и тяжелее сдерживать карателей. Свинец и порох, запасы стрел подходили к концу. Но оставаться на Родине они не могли, приближенных «хана» тут ожидала мучительная смерть. В двадцатых числах мая колонна подошла к реке Малый Кызыл и благополучно переправилась через нее. Но радоваться было рано. Скоро их настигли правительственные войска под руководством генерала Павлуцкого. Сражение, вернее, массовое побоище началось еще на яицкой переправе. Солдаты безжалостно расстреливали из мортир мужчин, женщин, детей, стариков и скот. Плохо вооруженные воины с трудом отражали многочисленные атаки врага. В отчаянии люди сооружали плоты из жердей для юрт и кусков войлока, привязывали маленьких детей и спускали вниз

по течению. Некоторые плыли рядом. Но это не могло их спасти, солдаты перестреляли пловцов словно куропаток. Много людей утонуло в разлившейся реке. По некоторым данным, при форсировании Яйыка погибли около 3000 человек. Карасакал снова ускользнул, но его сторонники разбрелись по всей степи. Теперь их преследовала кавалерия майора Языкова на свежих лошадях, прибывшая со стороны Верхнеуральска. Кровавый след отступления, щедро усеянный трупами, упрямо вел на восток. Последнее сражение мятежного хана состоялось у берегов Тобола, где он получил тяжелое ранение. «Бунтовщиков», не успевших переправиться через реку, безжалостно перебили. В плен никого не брали, в степи стоял невероятный гул от выстрелов, боевых кличей, проклятий, стонов и плача... Через несколько дней остатки «ханского» войска, около 250 «непримиримых» воинов, дошли до владений аргынов. На ковре между двух лошадей везли своего вождя, находящегося без сознания. Живые скелеты со злыми глазами, они более походили на мертвецов, вырвавшихся из ада, чем на людей³⁰...

Нахождение заклятого врага и его боевой группы в непосредственной близости от границ Российской империи (хотя к этому времени пусть формально, но и Средняя орда признала свою зависимость от Москвы) не могло не обеспокоить власти. Их тревога имела реальную почву — уже через год Карасакал-хан вместе с казахами возобновил стычки, а его соратник Мусабатыр при поддержке киргис-кайсаков и каракалпаков, начал боевые действия на Сибирской пограничной линии. Еще одна группа башкир, действующая самостоятельно, начала нападать на немногочисленные укрепления на реке Тобол. Уместно будет напомнить, что после объявления амнистии большинство беглых башкортвов вернулось домой. Что касается судьбы «главного бунтовщика», то скоро начались длительные и настойчивые переговоры о его выдаче. Однако, степная аристократия была едина во мнении: «Карасакал — наш гость, мы его не выдадим». Башкирский хан пользовался огромным уважением в степи. Он стал бием большого племени найманов, что входило в состав Средней орды. Демонстративно отказавшись выдать мятежного хана властям, казахи еще раз продемонстрировали свою фактическую независимость от Петербурга, «степная» политика которого вызывала множество вопросов у местной элиты. Для молодежи Карасакал был воплощением настоящего воина и батыра. Для религиозных деятелей — авторитетным знатоком Корана. Кроме того, он обещал обратить буддистов-джунгарцев в правоверных мусульман. Родовая же знать использовала его имя в борьбе против грозного джунгарского контайши.

Пользуясь нестабильностью в стане врага, казахи попытались разыграть новую, «династийную» карту. Новоявленный «наследник», каковым представили Карасакала-Шуну, собрав большое войско, пошел на врага, но этот поход не имел успеха.

Тем временем давление со стороны русской администрации возрастало. «Бунтовщик и возмутитель» должен быть передан властям! Однако, ни страшные угрозы, ни обещания о сказочных привилегиях не могли поколебать решимость покровителей беглого мятежника. История зафиксировала любопытный факт. В конце 1740 года джунгарский хан Галдан-церен вторгся в Казахстан с намерением схватить Карасакала, объявившего себя наследником джунгарского трона. В ходе сражения один из лидеров Среднего жуза Аблай-султан попал в руки джунгарцев. Галдан-церен согласился освободить его в обмен на голову лженаследника Карасакала-Шуны. Высокопоставленный пленник, будучи че-

ловеком недожидной смелости, категорически отказался от соблазнительного предложения. Он просил передать на волю, чтобы Карасакала «ни в Россию, ни калмыкам не отдавать, а при случае, всем за него помереть». Позже Аблай-султан был освобожден.

Трудно сказать, смогли бы Карасакал и горстка его «непримиримых» вернуться домой и принять участие в новом восстании, которое разразилось в Башкирии в 1755 году. Великий мечтатель и авантюрист, несостоявшийся правитель свободного, но призрачного башкортского ханства, умер за шесть лет до этих событий. Это была смерть при весьма загадочных обстоятельствах.

Война «волчьих людей» (1755—1756 годы)

Горный инженер Брагин в сопровождении роты солдат вступил во владения бурзянцев, живущих на живописных склонах горы Ирендык. Стояла ранняя осень. Пыльные скрипучие обозы, тяжело нагруженные горным снаряжением и боеприпасами, шли медленно, с трудом преодолевая перевалы. По разные стороны от колонны скакали вооруженные башкиры из числа «верных». Солдаты были настороже, чувствуя за собой скрытую слежку. Башкирия была давно «умиротворена», но не было умиротворенности в душах пришельцев. Это была вражеская территория, непрошенные гости жили с постоянным чувством страха, страха внезапного нападения. Ведь в эти места, священные для племени «Бөри йән» — людей с «волчьими душами», — чужаки пришли с недобрыми намерениями. Они пришли за золотом, их сюда привела алчность. Дело в том, что в ходе последней военной кампании один из офицеров на берегу горного озера наткнулся на золотой самородок. Вызванный из самого Санкт-Петербурга, Брагин возглавил горно-изыскательскую партию, которой предстояло вести разведку в разных волостях Ногайской дороги. Решили начать там, где, по восторженным рассказам очевидцев, золото валялось на каждом шагу — в окрестностях аула Амин теперешнего Баймакского района Башкортостана.

Брагин и его люди остановились на восточном берегу озера Талкас. Разбили лагерь, и в сопровождении своей охраны начальник экспедиции поднялся на вершину горы. Отсюда открывалась великолепная картина. На востоке до самого Яйыка раскинулась ковыльная степь. Табун то ли лошадей, то ли тарпанов бродил у небольшой сопки, там, где плоская равнина сливается с горизонтом. На потускневшее зеркало озера садилась белокрылая стая перелетных птиц. На западе же начинались дремучие леса Уралтау. Там, в мрачных таежных чащобах, куда не ступала еще нога русского человека, скрывались не сложившиеся оружия мятежники. Их мелкие аулы возникали в самых неприступных местах. Даже «верные» башкиры предпочитали обходить эти медвежьи углы стороной. Поистине, это были страшные места. Пришельцев там ожидала верная смерть. Всадники вместе с лошадьми внезапно падали в ямы — ловушки, прямо на острые колья. В самых неожиданных местах с неистовой силой срабатывали бревна — тараны, применяющиеся на медвежьей охоте. Многие становились жертвами бесшумных стрел, пущенных людьми-призраками. Война давно закончилась, но только не здесь, в вотчине «волчьих людей»...

Горная цепь Ирендык протянулась с севера на юг. По ее склонам, заросших лесом, проходила тайная тропа башкортков — «Канифа юлы». Она причудливо петляла среди скал, пропастей, зарослей диких кустов... Иностранцы держали свою тайну при себе. И оно было понятно — во время войны по этой тропе пере-

правляли семьи и раненых к южным братьям. Отсюда шли караваны с оружием. Говорят, даже самого Абулхайра, будущего башкирского и казахского хана, в мятежном 1707 году доставили в Башкирию по «Канифа юлы». Именно здесь, на земле бурзянцев, подняли его на белом войлоке. Недалеко от села Темяс и ныне возвышается гора, носящая горделивое название «Хан-кала»... Но теперь повстанцы редко пользовались «дорогой жизни» — близко к ее южным подступам был заложен городок Орск. Везде были солдаты и яицкие казаки. Да и «верные» башкирцы не дремали, часто устраивая засады на пути следования отрядов.

Брагин не знал о существовании «Канифа юлы», хотя находился недалеко от нее. Он всматривался в ближайшие холмы. Невысокие, с белеющими валунами на склонах, они подступали к окрестностям озера. Да, здесь было много любопытного и интересного, но самое главное — тут было золото! Ему уже доставили образцы зеленой яшмы и кварца, обнаруженных на подножии горы. Это было весьма любопытно, но начальника партии красивые камушки не интересовали. Ему нужен был желтый металл. Много, очень много золота...

К разочарованию пришлых людей, золота, по крайней мере, в самородном виде, нашли немного — всего несколько мелких кусочков. Брагин был близок к отчаянию, однако, через две недели геологи наткнулись на залежи песчаника, содержавшие в своих пластах золотые крупинки. Это был успех, хоть и не такой грандиозный, как ожидал начальник экспедиции. Решено было в течение зимы и следующего лета заготовить как можно больше каменных блоков, затем перевезти первую партию в Оренбург. В черной работе использовался заводской люд из ближайших поселений, а также местные жители с подводами. Ими руководили мастеровые Брагина. Работа не очень ладилась, часто вспыхивали перепалки и конфликты. Причиной были особенности нрава инородцев — башкиры не терпели командного тона и попыток жестко руководить ими.

Прошла зима, наступила весна 1755 года. В один из прекрасных майских дней бурзянская стрела пронзила грудь петербургского начальника. Что же стало причиной нового бунта? Ответ был прост и банален. В экспедиции не хватало женщин. Весной солдаты начали силой отнимать местных девушек и женщин. Они полагали, что после жесточайшего подавления последнего восстания, 15 лет тому назад, башкиры никогда не посмеют выступить против унижений. Уверенный в своей безнаказанности Брагин даже задумывался о введении «права первой ночи», практикуемого в крепостной России. Но тут был башкирский край, а дети Белого Волка никогда не знали рабства.

...Люди пришли в ярость. Известный своим крутым нравом джигит — Сураш-батыр с товарищами подкараулил рыбачащего на озере Брагина. Его охранники успели сделать пару выстрелов из пистолетов и ружей, как тут же были утыканы стрелами. Любители карпов и щук, они сами стали кормом для них.

Бунтовщики разгромили Сапсальский почтовый ям, предали огню жилища геологов и все казармы. 10 солдат были убиты, 29 ранены. Не стали щадить и приставленных к бурзянцам мещерякских чиновников — старшину и писаря³¹. Тут уместно будет напомнить, что в 1736 году племенное самоуправление было отменено, вековой институт биев и тарханов ликвидирован. Теперь волостное начальство назначалось из числа татар, мещеряков или «верных» башкирцев. Вся горно-изыскательская партия была уничтожена, пострадали и члены их семей. Выжившие в ужасе бежали в Кизильскую крепость. В башкирских легендах говорится

о некоей кухарке, сумевшей сбежать и сообщить о «замешательстве» крепостным властям. Многие из башкир-разведчиков, состоявших на службе колониальной администрации, были убиты сослуживцами, казаками Кизильской крепости.

Чтобы отвести беду от всей волости, старейшины предложили хитрый ход. Убийцы Брагина скрываются у казахов, а оставшиеся все беды сваливают на них. Сураш-батыр, Худайберды, Иткул-мулла и другие, вооруженные трофейными ружьями, всего 128 душ, в ту же ночь перевалили через Ирендик. Вихрем понеслись они по утренней степи, подгоняемые вольным ветром и неистребимым желанием вырваться на свободу. Весь свой скарб и маленьких детей везли на волокушах, на двух легких жердях, прикрепленных к седлу. Так передвигаться было быстрее, чем на арбах³². День прошел в бешеной скачке, Яйык был уже близок, но на границе их ждали. Из Кизильской крепости, что недалеко от нынешнего Магнитогорска, вышла рота драгун, намереваясь остановить беглецов. Но «волчьи воины» с такой яростью ударили по цепям «встречающих», что буквально разметали их в стороны. Несколько солдат были убиты, многие ранены в том скоротечном бою. Пока драгуны приходили в себя, люди Сураша исчезли за небольшими сопками. У башкир никто серьезно не пострадал, и это было добрым знаком. Приближалась спасительная ночь. Засверкали первые звезды, ветер донес запахи большой воды, послышался шум разлившейся реки. Они были у самой границы. Но успокаиваться было рано, погоня продолжалась. Переплыв Яйык дедовским способом, держась за гриву лошадей, группа наконец-то ушла от преследователей. Теперь они повернули на северо-восток, ехали целый день без остановки. Но следов кочующих в этих местах казахов все еще не было.

Так прошла неделя. Однажды беглецы устроились на ночлег в лесочке у подножия холмов. Утром, прежде чем продолжить путь, двое парней поднялись на пригорок, где развели сигнальный костер. В небо взметнулись прерывистые круги черного дыма.

— Мы — мирные башкорты! Нам нужна помощь!

Прошло немало времени, и вот на самом горизонте, в дрожащей синеве утреннего неба появилась тоненькая струйка дыма. То было приглашение от Серке-батыра.

— Мы рады нашим братьям-естекам!

Люди повеселели, теперь колонна шла строго на юг. Вечером того же дня молодой разведчик по имени Темяс галопом влетел на вершину небольшого холма. Раздался боевой клич бурзянцев. Они дошли! Да, они дошли! Они в безопасности!

Урочище назвалось Аман Карагай. У небольшого лесочка с серебряной речкой раскинулось большое кочевье жагалбайлинцев. Стояли юрты, паслись табуны лошадей, гордо бродили верблюды. Группа всадников с гиканьем и радостными возгласами неслась навстречу. В середине лагеря в величественной позе застыл сам глава рода — Серке Мендибекулы. На первый взгляд бий был невозмутим, как и подобает великому батыру, но еле заметная улыбка выдавала его радость. Беглецов приняли с искренним сочувствием и гостеприимством. Бурзяне и жагалбайлы были близки по происхождению, родные по крови. Аксакалы двух народов, встречаясь на праздниках, могли целыми сутками «копаться» в своих шежере, находя много общих предков. Но сегодня никто не стал устраивать пир. За убийцами Брагина и здесь могла начаться охота, поэтому бурзянцев разделили на две группы и торопливо увезли вглубь казахской территории³³.

По преданиям, эти беженцы пережили смутное время в кустанайских степях, а затем, когда вышла амнистия, вернулись в родные края. Сураш-батыр основал аул Исян («Выживший») на берегу озера Талкас. Прославленный воин бурзянцев Темяс Иликеев, вернувшись из-за кордона, тоже поспешил занять свободные земли, иначе переселенцы под любым предлогом могли застолбить его владения. Он со своими братьями поставил рубленые избы под горой Рапат. Так возникло селение Темяс, в 1919 году ставшее первой столицей башкирской автономной республики.

Современные казахские историки пишут: «Отряды, состоящие из казаков и волжских калмыков, преследовавшие башкир, были остановлены казахами родов жетиру под руководством Серке (Сарке) батыра»³⁴.

Когда потянулись в степи и другие повстанцы с семьями, их встретили те же семиродцы. По утверждению казахстанского историка Орманова: «...предводитель жагалбайлинского рода Сарке-батыр в 1755 году организовал дружественную встречу башкир на небольшой горке в 5—6 километрах от реки Яйык, ныне это место называется Сарке тобе (Горка Сарке) на территории Беляевского района Оренбургской области в 15 километрах от районного центра». Основную массу этих вновь прибывших башкортвов, скорее всего, составили усергане, обитавшие чуть севернее этих мест.

Кем же был легендарный Серке Мендибекулы, верный друг и брат башкирского народа? Мы знаем, что прославленный вождь жагалбайлы, выдающийся полководец конфедерации жетиру, родился в конце XVII — начале XVIII века. Жив был еще в 1775 году, когда под его покровительство пришли воины Салавата Юлаева, потерпевшие поражение в пугачевской войне. К слову сказать, об этом человеке царская хроника сохранила немало письменных сведений. Нам досконально известно, что он со своим войском принял участие в сражениях на Буланты и Анырыкае. Велика была его роль в принятии Младшим жузом российского подданства. Активно помогал башкирским повстанцам в многочисленной череде их выступлений. Этот благородный человек, внесший огромную лепту в укрепление дружбы между народами, несомненно, заслуживает чести увековечения его памяти в городах Башкортостана и Казахстана. Впрочем, как и другие национальные герои наших народов.

К слову сказать, башкиры давно вели тайные переговоры с казахами Средней орды. Но люди Сураша попали во владения Малого жуза, некоторые руководители которого приняли участие в подавлении предыдущего восстания. Но, как видим, были приняты как гости. Помимо традиционных связей и этнического единства, тому имелись веские причины. Казахи были возмущены тем, что им не позволяют перейти на российскую сторону Иртыша и Ак Жайыка (Урала). Это расценивалось ими как двуличие петербургских властей — ведь они, казахи Малого и Среднего жузов, тоже являются подданными империи. Но почему им не доверяют?

Колониальная экспансия России усиливалась, и наиболее прозорливые представители степной элиты понимали, что казахов ждет та же участь, что и башкир, — потеря права свободного перемещения, отмена племенного самоуправления и иных традиционных общественно-политических институтов, и самое главное, неминуемая колонизация края... Власти грубо вмешивались в сферу внутренних взаимоотношений родственных народов. Например, 4 сентября 1746 года царизм издал указ, который гласил: «Киргиз-кайсакам из Башкирии в замужество невест не отпускать, а башкирам на киргиз-кайсаках жениться не позволять...»³⁵

Об усиливающихся антироссийских настроениях в Средней орде свидетельствует донесение побывавшего там толмача по имени Матвей Арапов. Он

утверждал, что казахи заявили о том, что «пора де вас за Волгу прогнать по-прежнему...»

Мещерякский (татарский) мулла Батырша (Габдулла Батыршин, по некоторым данным, Галиев), один из религиозных авторитетов края, написал воззвание ко всем мусульманским народам края. Этот сердобольный человек красочно описывал бедственное положение коренных жителей губернии — башкир, выражал возмущение с продолжающейся политикой христианизации татар, усилением экономического и национального гнета «инородцев». Например, башкиры до сих пор платили лишь небольшой ясак государству. В 1754 году вышел указ, освобождавший от него. Взамен население должно было покупать соль из Соль-Илецкого месторождения за 34 копейки за пуд. Это было воспринято как новое наступление на права вотчинников. Продолжался захват башкирских земель под строительство заводов и поселений.

При активной поддержке башкирских старшин Батырша готовил большое восстание мусульман — башкир, мещеряков и казахов. Но как мы уже рассказывали, бурзянцы поднялись раньше намеченного срока, и это расстроило планы руководителей выступления. Батырша проявил нерешительность — вместо того, чтобы немедленно начать военные действия, укрылся с шакирдами в лесу, недалеко от своей деревни. Остальные «инородцы» края заняли выжидательную позицию. Но поднялись башкиры, которые начали громить крепости и сжигать ненавистные им заводы. Пламя народного гнева охватило прежде всего волости бывшего союза «ете ырыу» — башкирских семиродцев. Бурзянцы, кыпсаки, усергане, тамъянцы и другие племена начали выдавливать поселенцев из своих вотчин. При этом они ссылались на грамоты, полученные еще от Ивана Грозного, где были четко указаны границы их кочевий. Украденная земля должна быть возвращена! Это стало одним из главных требований восставших.

События развивались стремительно. Рота подполковника Бахметьева была окружена в ущелье Уральских гор превосходящими силами повстанцев и почти полностью уничтожена. Спаслись лишь 5 солдат. Была разбита и команда майора Шкапского, вместе с ними погибли еще до 80 казаков.

Генерал-губернатор Оренбургского края Иван Неплюев, узнав о трагедии, незамедлительно обратился в Сенат, и в Башкирию были направлены целые армейские части. Генералы Ушаков и Салтыков начали наводить порядок в губернии. Но действовали осторожно, без излишней жестокости. Ведь как показывала практика прежних войн с башкирами, насилие лишь порождало ответное насилие. В отличие от поволжских «инородцев»-крестьян в лице татар, мещеряков, марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы — сыновья Белого Волка стояли насмерть и дрались до последнего. Поэтому по сравнению с другими нерусскими народами края, доля башкир, например, подвергшихся крещению, была и остается ничтожной. Даже после военного поражения, коренные жители де-юре сохранили право на вотчинное землевладение.

Всеобщей «священной войны» не получилось. Оно и понятно — подобных традиций здесь никогда не было. Сам вдохновитель газавата был схвачен и убит в Шлиссельбергской тюрьме, при попытке к бегству.

Война шла все лето, но силы были неравны. Повстанцев поддерживали лишь казахи Среднего и, частично, Младшего жузов. Однако, именно в это время у них появились свои, и очень серьезные, проблемы — началось новое вторжение джунгарцев. Посему основные силы казахов были отвлечены на «восточном фронте». Ни угнетенные крестьяне, ни мишаре, ни татары, ни чуваша с марий-

цами, на помощь которых надеялся Батырша, не рискнули подняться против императрицы. Более того, мишарские отряды, как и в прежние годы, начали активно подавлять бунт. Земли «злодеев» и захваченные члены их семей раздавались поселенцам, в том числе и «инородцам».

В августе жители бунтующих юго-восточных волостей, еще помнящие кровавую расправу 1740 года, перешли границу и укрылись в степях. Их насчитывалось не менее 10 тысяч человек — воинов, женщин, детей, стариков. На переправе через Яйык погибли, по разным оценкам, свыше 1000 человек. Армия мстила за позор подполковника Бахметьева и майора Шкапского. Таким образом, история предыдущего «исхода» повторилась.

Скоро начались совместные рейды башкортвов и казахов в Башкирию. Нескольким крепостей — Губерле, Таналыцк, Редутная и другие подверглись нападениям племен жетиру и естеков.

Трагедия на Камышаке

Всадники появились в полдень. Ничто не предвещало кровавого кошмара. Августовское солнце, словно щит на кереге юрты, спокойно висело над степью. Трещали кузнечики, пели птицы, безмятежно текла степная река Камышак. Чужаки были вооружены ружьями, луками со стрелами, в руках держали шокпары — боевые дубинки. Плотной толпой въехали они в кочевье, около семи десятков угрюмых мужчин. Дети перестали возиться со своими игрушками и застыли в любопытстве, женщины, почуяв неладное, уводили их в юрты, воины насторожились. Пришельцы были настроены агрессивно, не отвечали на традиционные приветствия, подъехали к юрте главы рода. Требование было одно — выдать всех естеков, врагов самой главной русской ханбике. Но ответ был категоричным:

- Эти естеки — наши братья! Никого из них не получите!
- Так вы против воли Нуралы-хана?
- Мы против предательства!

Сразу же завязалась ссора, переросшая в драку. Затрещали первые выстрелы. Замелькали в воздухе палицы сойылы, полетели шокпары, засвистели камшы, зажужжали стрелы. Жагалбайлинцы и бурзяне вскочили на коней, начался жестокий бой. Мужчины дрались подобно степным львам, и пришельцев быстро вытеснили из селения. Казалось, что победа близка. Но вот из-за Камышака появились тысячи воинов, они на полном скаку форсировали реку и ворвались в аул. Закружились в вихре сражения всадники, заметались женщины, заплакали дети, оказавшиеся под копытами лошадей. Люди падали, убитые и раненые. Побоище продолжалось, превосходящие по числу пришельцы явно одерживали верх. Пока жагалбайлинцы и естеки держали оборону в центре жайляу, его западная часть, где стояли черные юрты башкир, оказалась во власти врага. Всадники хватали детей и женщин за волосы, увозили в степь. Те же, кому не досталась добыча, бросались к «счастливчикам» и пытались силой отобрать жертву. Между захватчиками началась драка за детей. В этом кошмаре нескольким младенцам оторвали ноги и руки...

Три дня шло сражение, погибло много бурзянцев, жагалбайлинцев и напавших на них врагов. Трагедия на Камышаке имела продолжение. В течение августа еще в нескольких селениях Малой орды произошли башкирские погромы. Сотни женщин и детей были увезены далеко на юг, в кызылькумские пустыни, откуда пришли враги, и проданы в рабство в Хиву.

План главного колонизатора края Неплюева удался, между казахами и башкирами были посеяны зерна зла и ненависти. Позже в своих воспоминаниях генерал-губернатор самодовольно заметил, что «...сие происшествие положило такую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна».

Главным орудием в осуществлении этого злодейского «проекта» стал, к сожалению, правитель Малого жуза — Нуралы-хан. Сын харизматичного лидера Абулхаира, которого башкиры некогда подняли на белом войлоке, он не пользовался авторитетом среди своих старшин, но имел поддержку оренбургских властей. Немаловажную роль в его политической ориентации сыграли сановники из числа каргалинских татар. Один из них, оренбургский ахун Мансур Абдрахманов — был учителем и наставником молодого Нуралы и оказывал на него существенное влияние. Ставленник Неплюева, он уговорил хана наказать скрывшихся на его территории мятежников. После того как из Башкирии начался массовый исход коренных жителей и ситуация постепенно выходила из-под контроля, был издан тайный циркуляр. Документ преследовал единственную цель: расстроить казахско-башкирский военный союз. Согласно указу, казахам разрешалось убивать «бунтовщиков», а членов их семей разобрать по отдельности. Весь скот беженцев доставался степнякам. Кроме этого, казахским султанам и старшинам, в случае выполнения упомянутых «предписаний», было обещано неслыханное по тем временам жалованье в 1000 рублей, много товаров, привилегий. Если учесть, что казахская знать, в отличие от российских дворян, не собирала налоги от своих подданных и не имела других государственных доходов, то предложение было весьма и весьма заманчивым. Некоторые решили воспользоваться им. В результате курок был нажат — началось стремительное ухудшение отношений между двумя народами.

В нападениях на естеков приняли участие в основном те племена Малого жуза, которые жили в значительном отдалении от башкир. А воины жетиру (табын, жагалбайлы, телеу, кердери, тама, керейт, рамадан) и многие другие казахи, имеющие общие этнические корни с башкирами и поддерживающие с ними хозяйственные отношения, до последнего защищали их. Ведь они поклялись на Коране «до смерти не выдавать» беженцев. Характерен пример известного в степях Кушим-хаджи, который ездил по кочевьям и уговаривал старшин не выдавать мусульман и самим их не обижать³⁶. Надо сказать, нападения на башкир произошли только в некоторых аулах Малого жуза. Защитить кунаков, пришедших в степь не по своей воле, а спасаясь от уничтожения, являлось делом чести. В Среднем же жузе ни одного погрома не произошло, и «бунтовщики» продолжали жить в относительной безопасности. Они находились под покровительством Аблая-султана, их скот и имущество были в сохранности. В конце 1755 года султан ответил отказом выдать властям около 3000 беженцев, и этот факт красноречиво свидетельствует о дружеском расположении жузовской элиты и рядовых общинников к своим гостям.

Сложной оставалась ситуация в Малой орде. После побоища на Камышаке оставшиеся в живых бурзяне бежали на свою родину. Путь домой был открыт. Хорошо проинструктированные пограничники пропускали их без задержки. Обезумевшие от горя и ярости, башкиры собирали военные отряды и шли обратно в степи, чтобы вернуть свои семьи. Они нападали на кочевые аулы, убивали людей, отбирали скот. Отдельные партии, преследуя обидчиков, доходили до самого Аральского моря. Некоторым удавалось отбить членов своих семей, это

вдохновляло остальных. Вчерашние «бунтовщики» благополучно переходили Яйык в обоих направлениях, и, к удивлению воинов, никто не пытался остановить их. Дело доходило до абсурда. Башкиры требовали у линейных стражей показать царскую бумагу, которая, по слухам, «разрешала угонять казахских лошадей».

Опытный интриган Иван Неплюев, тайно науськивающий соседей друг на друга, решил закрепить свой успех. 20 сентября 1755 года был выпущен указ о прощении всех участников восстания. Этим он хотел продемонстрировать великодушие Российской короны в отношении своих «пошаливших» подданных. По его замыслу, и башкиры, и казахи должны были быть ему благодарными. Первые за то, что их не стали жестоко наказывать за «злодеяния». Вторые же, на основании тайного циркуляра, получили право отнимать имущество у беженцев. Продажа пленников и членов их семей в среднеазиатские государства стала для отдельных феодалов доходным предприятием.

Генерал-губернатор края призвал всех башкир, скрывающихся в Малой и Средней ордах, вернуться домой, торжественно обещая им безопасность и прощение. Но «бунтовщики», помнящие о крайне жестоком наказании участников предыдущего восстания, не верили этим обещаниям. У некоторых мужчин среднего и старшего поколения свидетельства царственного «милосердия» были на лице — клеймо «вор» на лбу, отрезанные носы, уши и языки. Это была память о черном 1740 годе.

Благо, погромов больше не было, большинство семей предпочли остаться у своих покровителей. Исследователи тех далеких событий Баянгали Култаев и Кайрат Тулеуов пишут: «Особую роль в поддержке башкир играли как жагалбайлинский род, так и роды тама и табын. Потомки батыров Букенбая и Есета собрались вокруг Сарке-батыра, который в то время был уважаемым аксакалом батыров семиродцев. Несмотря на разные провокации, башкиры, поселившись вдоль рек Яик, Каргала, Илек, жили, не подвергаясь нападению и разграблению, пока в 1756 году не вышел указ русской императрицы о помиловании башкир. Нуралы-хан, как не старался выполнить указания губернатора о разграблении башкир и выдаче всех мужчин царским чиновникам, ничего не добился. Его сражения с родами жагалбайлы, тама, табын были безрезультатными. Потери были большие, но возвратить повстанцев царским властям не удалось».

Подытоживая все эти события, можно с уверенностью сказать — никакого предательства башкир со стороны казахского населения не было! В свое время некоторые царские чиновники и историки пытались представить эти события именно таким образом. Но это предвзятая трактовка тех непростых, драматических событий. Да, были кровавые провокации со стороны отдельных феодалов, но степняки — именитые батыры и воины Малого жуза в подавляющей своей массе встали на сторону беженцев. О покровительственной позиции Средней орды мы уже рассказали.

Время от времени башкорты и казахи совершали дальние походы в Башкирию, грабя поселенцев, уничтожая мелкие укрепления, угоняя скот. В полном молчании, со слезами на глазах, проезжали они мимо своих сожженных деревень и покинутых кочевий. Здесь раньше стояли их дома, здесь звучали веселые детские голоса, здесь паслись бесчисленные их стада. Эта опустошенная, осиротевшая, израненная земля была их Родиной.

Порой совершали вылазки и повстанцы, оставшиеся в неприступных горах Урала. Но к середине 1756 года «Война волчьего народа» угасла, и в Башкирии воцарилось напряженное спокойствие.

На остроконечную гору над рекой Юрюзань неспешно поднимались двое всадников. Один из них, молодой еще мужчина, ехал впереди. В седле второго коня сидел маленький черноволосый мальчик. Скоро они достигли вершины и застыли на ней, всматриваясь в синеющие на юге горы. Осенний ветер уносил их негромкие голоса. Но по серьезным лицам можно было догадаться, что разговор идет об очень важных делах. Там, далеко за высокими горами, торчали трубы, из них валил черный дым. Мальчик знал, что завод был построен на захваченных у его народа землях. Там находилось родовое кладбище шайтан-кудейцев, там были могилы его дедов и прадедов, там была зимняя деревня — кышлау. Да, все они были там, но под темными водами заводского пруда. Пальцы маленького крепыша сжимали лук со стрелами. Звали будущего батыра Салават Юлаев.

Братья по крови

1770 год. На земле башкортвов-минцев появились странные люди. Они гнали впереди себя табуны лошадей и верблюдов. Кибитки их были установлены на телегах. Одеты странно, как-то не по-здешнему. Больше походили на калмыков или ногайцев, чем на башкир. Тем не менее, это были бурзяне, свои. Пуще всего минцев поразило их поведение. Чужаки вели себя вольно, уверенно, дерзко. Все мужчины были вооружены, это выглядело весьма странно, ведь теперь даже ношение охотничьего ножа каралось по закону.

Это возвращались участники восстания, «бунта» пятнадцатилетней давности... Возвращались не все, кости многих сородичей остались лежать в казахской, каракалпакской и калмыцкой земле, куда забросила их суровая судьба. Возвращались же странные люди из страны волжских калмыков, куда ушли после конфликта с Нуралы-ханом. Несколько лет тому назад аксакалы кочующего по всей Дикой степи рода решили обратиться к властям Оренбурга с просьбой разрешить им поселиться в Башкирии. Говорят, старейшины преподнесли богатые подарки местному начальству... Ну а кто же не любит подарков? А если это знаменитые туркменские скакуны, сабли с позолоченными эфесами, неведомым образом попавшие к беглым бурзянам? Власти колебались недолго, благо, амнистия участников восстания 1755 года вышла уже через год после тех кровавых событий. Через короткое время дали добро, но запретили возвращаться в родную Бурзянскую волость. Ведь еще живы их вчерашние враги из числа заводчиков, «верных башкирцев», гарнизонных солдат, пограничников. Время было смутное, и более всего администрация боялась новых стычек и «замешательств».

Изгой поселились в центральной Башкирии на правах припущенников. Так, у берегов реки Дема возникли аулы — Иткул (кстати, так звали одного из лидеров восстания), Ибрай, Курманкай, Дюртюли и т.д. Ныне эти населенные пункты находятся в Альшеевском и Давлекановском районах Башкортостана и образуют «бурзянский анклав» среди многочисленного племени мин. Эти люди сразу же приобрели славу конокрадов и бунтарей, людей весьма горячих и невероятно сплоченных. Среди нынешних их потомков есть руководители предприятий, правоохранительных органов, видные бизнесмены. Автору довелось встретиться с аксакалами этих аулов. Они рассказали, что их предки во время войны убили какого-то важного генерала и, спасаясь от наказания, сбежали к казахам. Потом царские власти начали преследовать их и в Казахстане, посему вчерашним повстанцам пришлось уйти в калмыцкую степь. Из тех краев прикочевали сюда, где и поселились с разрешения властей³⁷. После французской кампании 1812—1814 годов, в которой демские бурзяне приняли активное участие, правительство по-

зволило некоторым ветеранам и членам их семей вернуться на землю предков, в бассейны рек Сакмары и Таналыка.

Из 10000 башкир, оказавшихся в середине XVIII века в казахских ордах, на родину вернулись, по некоторым данным, до 6 тысяч человек. Остальные предпочли остаться за кордоном, дожидаясь лучших времен. А эти лучшие времена наступили не сразу. По данным историков, процесс возвращения бывших мятежников и их семей затянулся аж до первой декады XIX века! В частности, в мае 1808 года был издан указ, разрешающий казахам перейти на правую сторону реки Яйык. И, к недовольству властей, среди этих кочевников большинство составляли башкортты, некогда поднявшие оружие против царя, и их потомки. Немало было смешанных семей, а также этнических казахов. По данным Оренбургской пограничной комиссии, всего лишь за 15 лет в Башкирию перебрались 1226 представителей племен жагалбайлы, тама, табын, телеу, шекты, кыпшак, кете и других традиционно верных союзников башкорттов. Они положили начало новым родовым подразделениям — «казактар», «казак араһы» («казахский клан»), «казак урамы» («казахская улица»), «казак токомо» («потомок казаха») и многим другим. Все же у читателя не должно создаваться мнение, что казахский этнический компонент появился лишь в XVIII—XIX веках. Как мы уже отметили выше, еще задолго до этих событий у башкир существовали многочисленные этнонимы, такие как «найман», «аргын», «байулы», «мамбет», «озонмылтык», «йылайыр» и другие. А новые кланы стали лишь дополнением для уже существующих этнических «казахских» компонентов.

Очень интересна история казахского мальчика Мамбета, волею случая попавшего в общину башкир. Как рассказывается в легенде племени усерган, барымтачи угнали большой табун у казахов-аргынов из рода Акбулат. Среди лошадей оказался пастушок Мамбет 10—12 лет от роду. Его усыновил и воспитал старшина северной ветви усерганцев Сабыр Котломбетов. Когда мальчик подрос, его женили на дочери Йомаш-тархана из племени бурзян. От них пошел клан мамбет, представители которого проживают в аулах Мамбет, Калтай (Сагит), Ерекле, Танатар Хайбуллинского района РБ. Родовое селение Мамбет и ныне известно под названием «казахский аул».

По некоторым данным, роды бурзянцев байулы и янсары также имеют казахское происхождение. Но они всегда считали себя башкортами и, будучи большими патриотами, активно участвовали в создании, защите и развитии Башкирской республики.

Такой же процесс шел и у казахов. Уже имеющиеся родовые подразделения под названием «естек» («башкурт») после событий 1755 года получили новые человеческие резервы. И этот процесс имел продолжение. Как гласит шежере жагалбайлы, после Крестьянской войны 1773—1775 годов, тысяча воинов Салавата Юлаева вместе со своими семьями переселилась в Казахстан. Их принял давний друг и брат башкорттов — Серке-батыр Мендибекулы³⁸.

Кстати, среди каракалпаков также появились свои «естеки», видимо, родоначальниками этих аймаков стали те же участники восстаний XVII—XVIII веков, скрывшиеся у южных соседей. Например, зафиксирован этноним «кыпчак естек». Еще в 1730 году Тевкелев писал о башкирах, живущих во владениях Кайып-хана, владыки каракалпацкой орды. В 1923 году Заки Валиди, переметавшийся в Среднюю Азию для продолжения борьбы с Советами, посетил аулы

башкир-естеков. Они проживали в пустынях между городами Чимбай, Муйнак и Нукус, на южном побережье Аральского моря. Великий ученый пишет: «Их называют здесь башкирами или истяками, а название их родов — Манканай, Каипназар, Кара Теренчи и Калмуртайлы. Каракалпаки, как и башкиры, делятся на тюбы (единицы управления) и народные собрания, как и мы, называют «йыйын». По дороге к сказителю дастанов Нуриддину я посетил этих башкир. Они сами считают, что их предки прибыли сюда в седьмом и восьмом колене. Возможно, эта случилось в XVIII веке во времена Каип-хана, однако, какая-то часть переселилась еще раньше. Более поздние переселенцы присоединились к ранним. В эпоху правления кунградских биев первый поток башкирских переселенцев принимал участие в важных государственных событиях»³⁹.

Казахские же естеки были рассеяны на расстоянии в тысячи километров, от Астрахани на западе до берегов Иртыша на востоке, от среднего течения Яйыка до пустынь Туркестана... Они составили небольшую часть племени керей Среднего жуза (род «керей естек») и кете Малого жуза (род «естек-кете»). Возможно, в состав керейцев влились те бурзянцы и тунгаурцы, что нашли приют во время августовских событий 1755 года. О большой группе повстанцев, ушедших в Среднюю орду, говорится в исторических материалах. Нам известны аймаки (кланы) кете — «жаман естек», «сары естек», «балтас естек», «аккоян естек», «елишкой-болат естек» и т.д.

Иногда приходится сталкиваться с ошибочным мнением, что прибывшие в казахскую степь башкиры были исключительно бедняками. Безусловно, в условиях войны трудно уберечь нажитое добро. Но достоверно известно, что башкиры перед началом восстаний всегда вели переговоры с казахами, где обсуждались не только планы совместного выступления, но (прежде всего) вопросы безопасности членов их семей, а также имущества. Многие заранее переправляли близких людей и скот за «кордон», где дружественные роды принимали на себя заботу о них. Показателен пример старшины усерганской волости Кыуата Кинзягулова. В ходе войны 1755 года он укрылся у своих приятелей — казахов Младшего жуза. И вернулся домой со своим большим табуном лошадей, стадами коров и овец. Таких примеров было немало.

Башкиры владели огромным количеством лошадей и другого домашнего скота. Например, по сведениям историка того времени Н.С.Попова, в середине XVIII века самые бедные семьи имели от 3 до 15 голов (не считая другого домашнего скота), а богатые — до 300—400 голов лошадей. Табун лошадей Алдар-батыра Исякаева (Исянгильдина), например, состоял из 8000 голов. К слову сказать, у наших предков более всего ценились лошади, так как эти неприхотливые и умные животные сами добывали для себя корм, а самое главное, были так же «мобильны», как их хозяева-воины. Коров, верблюдов, тем более мелкий домашний скот башкиры держали в меньшем количестве. Даже в начале XX века юго-восточные башкиры оставались «конным народом». А ведь к этому времени они уже потеряли большую часть своих вотчин и находились в весьма бедственном положении. Та была эпоха столыпинских реформ, выраженных в активной колонизации края, что, в свою очередь, привело к дальнейшему обнищанию коренного народа.

Из среды естеков вышло много известных людей, среди них были и государственные деятели, например, ага султан Тургайской области Ибрай Жайыкбаев. Есть и писатели, журналисты, военные, деятели культуры.

Нынешнее поколение естеков бережно хранит память о своих героических предках — башкортах. Например, один из представителей клана балтас-естек Жардем Жауынбайулы пишет (стиль сохранен):

«Я родом с Уильского района Актобе... Естеки приехали в Казахстан в 1730 годах... Естеки уже 12 ата (*поколений*. — **Н.А.**). За заслуженную победу над калмыками Нуралы-хан выделил землю в Актюбинской области, Уильском районе, село Акштатау. Там проживает целый род естеков. Наши предки были преданы казахскому народу. Аулие Ажибай-бий назвал их своими сыновьями. Это в духе народных традиций того времени. Естеки обучали людей ремеслам, военному делу. Открывали школы. Казахи, уважая естеков, их не теснили...»

В шежере казахов рода балтас-естек говорится о победе Нуралы-хана над калмыцком войском в 1771 году. В том историческом бою Кармыс, сын Балты-батыра, одержал верх в поединке. По традиции тех лет, перед крупномасштабным сражением калмыки и казахи выставили своих батыров. Противником Кармыса был огромный воин, с которым даже опытные джигиты не решались мериться силами. Но бесстрашный Кармыс-батыр сам вызвался в бой и вышел победителем, убив врага копьем. В благодарность хан пожаловал его роду земли на берегах Уила. Подобные легенды имеются и у казахов Среднего жуза.

Естеки — выходцы из Башкирии, давно стали «нагыз казаками» («настоящими казаками»), истинными сыновьями и дочерьми свободного государства. Они помнят свою историю, гордятся славными делами предков-героев, выбравших волю, пусть и на чужбине. Потомки непокоренных бойцов и ныне в передовых рядах борьбы за демократический и сильный Казахстан.

Часть вторая

Сигнальные костры башкортгов

Американские индейцы, говорившие на различных языках и проживавшие на огромных просторах прерий, легко могли общаться друг с другом. Так, индеец-сарси с холодных равнин Канады при встрече мог бы свободно изъясняться, скажем, с апачами из южных степей США или даже с жителями северной Мексики. Но каким образом? Ответ прост — они пользовались универсальным языком жестов, этим великим изобретением краснокожих обитателей прерий. Широко практиковался и язык свистов. Например, нынешние индейцы племени тарахумара (Мексика) способны не только уловить, но и понять смысл свиста на расстоянии аж до 10 километров!

Башкортские воины тоже отлично понимали своих соседей из южных и юго-восточных степей — казахов, каракалпаков, туркменов, сибирских тюрков. Они умели говорить на расстоянии, подавая дымовые сигналы. Вблизи многих родовых селений и поныне, словно напоминание о старых суровых временах, возвышаются «Горы, где стоят караульные», или «Карауыл тауы». Например, мой родной аул Йомаш расположен на дне своеобразного природного котла, образованного подступающими с трех сторон горными хребтами. Тут же находится каньон рек Сакмара и Кеуашле, лесистыми берегами которых можно было быстро и незаметно для врагов уйти в чащобу. Расстояние между «караульными постами», расположенными на двух высотах, составляет примерно 7—8 километров. Оттуда хорошо просматривается вся степная округа, пожалуй, до самого Яйыка,

а также ближайшие горы и леса. По рассказам аксакалов, не только в старые времена, но и относительно недавно, в Гражданскую войну 1917—1920 годов, часовые несли здесь круглосуточную вахту. Время было смутное, опасались как красных, так и белых, жестоко грабивших и убивавших башкир.

Заметив приближение большого числа людей (друзей, врагов, неизвестных), дозорные тут же поджигали кучу хвороста, заранее сложенную на вершине. Башкирские легенды сохранили сведения о том, что густой черный дым, заметный издали, возвещал о приближении неприятеля. Для этого использовались ветки молодых деревьев. Все мужчины аула или кочевья, а также воины из соседних родов, увидев сигнальное предупреждение, спешили на место сбора и готовились к отпору. Сухой хворост (или сухие дрова) давали светлый, менее заметный, дым. Подкладывая ветки с неочищенной корой или молодую траву, получали густой черный дым. Для того чтобы он шел кольцами и в определенной последовательности, двое держали кусок войлока над костром, закрывая и открывая им огонь. Так караульные сообщали о численности вражеского отряда, о месте и направлении его движения. Эти дымовые сигналы были хорошо знакомы воинам. Некоторые моменты передачи информации заранее обговаривались, «шифры» наиболее важных сообщений менялись.

Приходилось слышать и о подаче сигналов при помощи обыкновенного куска жести или зеркала. Нужно сказать, что «караульные горы» находились в разных местах. Часовые из самых дальних подступов, разжигая костры, по цепочке передавали весть основному лагерю или поселению рода. Огненный «телеграф» башкортвов действовал безотказно в любое время суток. Конечно, в период зимних буранов или густого тумана сигнальных огней не было видно, но в такое время и враги редко выходили на «тропу войны».

Ночью практиковался еще один способ предупреждения. Часовые, стоя на вершине горы, стреляли в сторону аула «огненными» стрелами. Видимо, наконечники этих стрел были обмотаны промасленной тряпкой. У юго-восточных башкортвов, в частности у моих соплеменников бурзянцев, сохранились предания о батырах, которые могли выпустить стрелу до 2—3 верст.

Подобные приемы (причем не только «раннего предупреждения» но и для мирного общения), несомненно, существовали и у других степных народов. Ведь все это традиции, связанные с великой тюркской цивилизацией. В средние века наши кочевые народы сохраняли еще следы военной демократии — эпохи расцвета военного ремесла. Известно, что казахи Младшего, Среднего и Старшего жузов, проживающие на огромных евразийских пространствах, получив «экстренные вести», быстро собирались в заранее условленном месте. В степных ордах, имеющих все атрибуты государственности, не могла не существовать веками отработанная, жизнеспособная система обмена информацией. Ведь те же дымовые, световые или звуковые сигналы, поданные вовремя, быстрее доводили весть до своего «адресата», нежели гонец на самом резвом скакуне. Эта тема почти не освещена в научной литературе, но отрывочные сведения, в основном из фольклора, напоминают нам о позабытых навыках предков.

Если тюрки могли без особых проблем общаться на расстоянии, то вблизи они прекрасно понимали друг друга. Ни в одном дастане, ни в одном предании не приходилось слышать (читать) о том, что башкиры общались, к примеру, с казахами через переводчика. Несколько адаптированное к языковым особенностям друг друга, своеобразное тюркское «эсперанто» существовало всегда. Но после создания «буферных» Оренбургской и Челябинской областей хозяйственные, этнические и культурные связи наших народов существенно сокра-

тились. С появлением же литературного языка, все «сопредельные» наречия башкир и казахов начали уступать свои позиции. Например, если те же самые жетиру, а также алимулинцы, байулы, кыпшаки, керей, аргыны до недавних пор прекрасно понимали своих соседей, то теперь ситуация начала меняться. Большинство сегодняшних казахов и башкортвов могут перебраться лишь самыми распространенными бытовыми фразами и приветствиями, но не более того. Языки отделились друг от друга. Дело в том, что наш литературный язык испытал и продолжает испытывать сильнейшее влияние языка крупного братского этноса — татарского. Этот язык оседлых земледельцев, имеющий отличия не только от казахского, но и от диалектов южных и восточных башкортвов. Ситуация усугубляется еще и тем, что нынешняя молодежь плохо владеет огромными лексическими богатствами своего родного языка. Для русскоязычных башкир и казахов проблема стоит еще более остро.

Еще в начале XX века члены Комиссии по реализации башкирского языка, в целях избежания ассимиляции, настояли взять за основу будущего литературного языка наречие жителей восточных волостей. А оно существенно отличается от норм татарского языка. Против инициативы выступил пламенный большевик — председатель Башкирского ЦИКа Шагит Худайбердин:

«Сейчас научная комиссия предлагает (*взять за основу литературного языка — Н.А.*) говор горных башкир, живущих по соседству с киргизами (казахами)... Возьмем для примера слово «башкортлар». Горные башкиры произносят «башкорттар», точно так же, «аттар» (лошади), «һарыктар» («овцы»), «һыйырзар» («коровы»). А юрматынские, кыпсакские башкиры говорят «атлар», «һарыклар», «һыйырлар». Известно, что употребление аффикса «тар» вместо «лар», аффикса «ты» вместо «лы», характерно для киргизов и казахов. Вместе с тем аффикс «лар» возможно заимствован от татар... Считаю, что вместе «тар» должно употребляться «лар»... Сейчас при реализации языка мы должны взять за основу ту речь, которая ближе всего к жизни... В этом случае и товарищам татарам, с которыми мы близко связаны, будет намного удобней, и осуществится желание нашего народа быстрее сделать наш язык государственным»⁴⁰.

Худайбердин был прав, утверждая, что на диалекте, как он выразился, «горных» башкир, разговаривает не весь народ, а только часть его. Тем не менее, вариант, предложенный крупным чиновником и революционером, не прошел. Патриотично настроенная интеллигенция, стремящаяся всеми средствами и методами «уйти» от перманентного процесса языковой ассимиляции, одержала верх. Но эта угроза никогда не ослабевала. И в литературе, и в культурной жизни всегда ощущалось сильнейшее влияние более развитого и многочисленного татарского народа. Ныне, в XXI веке, в силу новых вызовов пресловутой глобализации, опасность потери этнокультурной самобытности актуальна как никогда.

Что касается современного башкирского языка, то условно его можно разделить на три диалекта. Северо-западный включает в себя массу местных говоров, подвергшихся доминирующему влиянию татарского языка. В результате восстаний средних веков и национально-освободительного движения начала XX века, а также последующего голода численность коренного населения края резко сократилась. Определяющая роль переселенческих народов, прежде всего татар и русских, усилилась. Свою лепту внесли татарские религиозные деятели, учителя, чиновники. Русский ученый Н.К.Дмитриев, большой знаток тюркских языков, с горечью писал: «Башкирам внушали, что никакой башкирской культуры и языка

нет, что башкирский язык — не язык, а только испорченный диалект татарского, что на нем говорит только отсталая часть населения, а писать уж никак нельзя: писать можно лишь на татарском, на котором и строится преподавание во всех мектебах и медресе»⁴¹.

Все эти (в принципе, естественные) процессы привели к языковому и этнокультурному кризису, в первую голову в северо-западной части республики. При сохранении этнической идентичности нынешний разговорный язык автохтонов трудно отличить от татарского. Это дает повод некоторым политикам причислять их к соседнему народу. Все попытки ввести обучение родного языка в школах приводят к муссированию слухов о «насильственной башкиризации» региона. Таким образом, западные башкиры не по своей воле остаются языковыми «изгоями» и для Уфы, и для Казани. Для южных и восточных своих сородичей они «татары», а для самих татар — «башкорты»...

Более крупным является южный диалект. Это условное название, сюда входят ик-сакмарский, средний и демский говоры. Еще один диалект, северо-восточный, своими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями наиболее близко стоит к казахскому языку. Литературный башкирский основан на нормах этих двух ведущих диалектов, с доминированием южного. Золотой фонд фольклорного наследия — дастаны, кубаиры, мунажаты, предания дошли до наших дней, во многом благодаря носителям этих диалектов.

Как мы уже сказали, кыуаканский диалект сохранил следы длительных башкиро-казахских языковых контактов. На нем разговаривают жители Абзелюловского, Учалинского, частично Бурзянского, Белорецкого, Салаватского, Кигинского, Белокатайского районов Башкортостана, а также башкирских аулов Челябинской и Курганской областей Российской Федерации. Это потомки восточных табынцев, горных и степных катаяцев, тамъянцев, айлинцев, кошко, теляу и т.д. Общие этнические компоненты и длительное совместное пребывание в составе тюркских государств (древних каганатов, Ногайского и Сибирского ханств), традиционное соседство — все это позволило сохранить духовно-языковую общность народов.

Как известно, до присоединения Башкирии к русскому государству, коренные обитатели края проживали в Казанской, Осинской, Ногайской и Сибирской «даругах». Первые две «даруги» (области) входили в состав Казанского государства, поэтому наречия их жителей сильно приблизились к нормам татарского языка, а последующая культурная экспансия ускорила процесс языковой ассимиляции. Жители Ногайской и Сибирской «даруг», соответственно, испытали сильное влияние ногайцев и сибирцев. Оно чувствуется и поныне. Но древний народ сохранил оригинальные особенности, прежде всего в фонетике, выделяющие его из среды других тюркских языков. У нас активно употребляются фонемы «з» и «с», не встречающиеся в других языках, за исключением, пожалуй, туркменского и якутского языков.

Автор не является филологом-языковедом. Но даже неспециалисту видно, что башкорты — носители восточного и южного диалектов стоят особняком в языковой практике. Чтобы показать это, приведем примеры, как говорится, навскидку из наиболее консервативной области, скажем, флоры.

Рус. вариант	Татарский	Башкирский	Казахский
черемуха	шоморт	муйыл	мойыл

сосна	нарат	карағай	карағай
смородина	карлыган	карағат	карағат
картофель	бәрэнге	картуф	картоп
шиповник	гөлийемеш	элморон	балмурун, итмурун

Этот список можно продолжить. Читая литературу на казахском, невольно замечаешь — многие слова, перешедшие в башкирском языке в категорию архаизмов, здесь прекрасно сохранились и продолжают активно применяться.

Из уст сородичей — людей старшего и среднего поколений — иногда приходится слышать восклицания: «уй-буй!» или «уй-бай!» («ой-бай!»), более характерного для казахского языка. Выражает оно удивление, для примера:

— Уй-буй! Был кем балалары? Қалай күмәктәр! (Уй-буй! Чьи же эти дети? Как их много!)

Восторг:

— Уй-буй! Қалай шәп машина! (Уй-буй! Какая хорошая машина!)

Ареалом распространения данного междометия являются южный и восточный регионы Башкортостана. Казахское междометие «гой» выражено башкирским «кый» (употребляется исключительно в рамках восточного диалекта).

В диалектах сохраняется значительное отклонение от норм литературного языка. Например, отрицание «юк» («нет») звучит как «йок» (для сравнения, казахское «жок»), или «йак». Многие лексемы, особенно восточного диалекта, свидетельствуют о тесном языковом контакте и этнических связях народов. Например, «коток» («колодец», лит. «козок»), «жиляк» («ягода», лит. «еләк»), «жайляу» («кочевье», лит. «йәйләу»), «өлкән» («большой», лит. «зур») и т.д.

Восточные башкиры говорят «ташты» («каменистый», лит. «ташлы», казахский вариант «тасты»), «бахетте» («счастливый», лит. «бәхетле», казахский вариант «бахытты»), «бараты» («идет», лит. «бара»). Список отличий можно продолжить бесконечно. Эти грамматические и лексические особенности ныне постепенно стираются. Благодаря обучению в школах по единым стандартам, все возрастающей роли телевидения и радио литературный язык становится повседневным. Например, коренные обитатели башкирского края, как и казахи, фактически не пользовались фонемой «в». Но теперь во всех книгах и газетах пишут не «уак», а «вак», не «уакыт», а «вакыт», не «уатан», а «ватан». И таких примеров можно привести много. Таким образом, нормы татарского языка незаметно, но настойчиво проникают в повседневную жизнь народа.

Древние башкортывели кочевой образ жизни, и это не могло не отразиться на фонетике языка. Наши предки, истинные дети природы, выражали свои мысли коротко, но очень красочно и образно. Так называемый «гортанный говор» (говор воинов и пастухов) и ныне характерен для южных и восточных башкир. Однако, в условиях доминирования в регионе татарского языка, идет стирание этой специфической особенности. Приходится констатировать, что язык радио и телевидения ориентирован на более «мягкий» западный диалект. Автор этих строк, например, почти четверть века работает на «Радио Башкортостана», и может судить об этом на профессиональном уровне. Характерен случай из жизни.

Когда записывал свои первые передачи, режиссеры в шуточной форме, но вполне настойчиво просили, чтобы я не говорил на «грубом зауральском языке».

Таким образом, при схожести лексического материала, фонетика татарского языка, языка прекрасных дипломатов и успешных торговцев, сильно отличается от норм башкирского. Для примера можно, пожалуй, привести звучание казахского языка — языка бывших воинов-кочевников и узбекского — языка оседлого народа. К слову сказать, уфимский татарин или западный башкорт, не имеющий опыта общения с южными и восточными башкирами, не сразу поймет его речь. Точно так же южный (шымкентский) говор несколько отличается от литературного казахского языка.

Таким образом, литературный башкирский язык, а значит и язык радио и телевидения, испытывают сильнейшее давление братского татарского языка, и постепенно утрачивая свою самобытность, приближается к черте полного поглощения. Те же проблемы встали и перед культурой народа. Например, ныне трудно отличить мелодику башкирской песни от татарской, русской, марийской, удмуртской. Несомненно, это естественный процесс. Но, с сожалением приходится констатировать и случаи осознанного, откровенного плагиата со стороны Казани. Не только старинные башкирские песни, легенды и предания, но и наши национальные герои и великие личности одним росчерком пера становятся татарскими или в лучшем случае «татаро-башкирскими». Двухмиллионная нация с трудом сдерживает этнокультурную экспансию превосходящих сил мэйнстрима. К сожалению, это удел всех малочисленных народов. Но дети священного Белого Волка, прошедшие через великие испытания, полны решимости сражаться. Сражаться за право оставаться самими собой.

...Над «Карауыл тауы» поднимается черный дым сигнального костра. Это часовые башкирской нации бьют тревогу. Наш язык, наша культура, наше будущее в опасности! Значит, пора седлать лошадей и выйти навстречу неприятелю, что наступает под знаменами всеобщей глобализации и манкуртства.

Традиции, обычаи, менталитет

Молодой парень, с десятком книг и большим желанием вырваться на волю, спешил на восток. Старая телега, запряженная саврасой лошастью, завела бесконечную скрипучую песню. Несказанное воодушевление царило в душе юного путника. Все вокруг было таким, как он и представлял. Эта первозданная идиллия была ему знакома. Все это он уже видел. Сны его не обманули.

Огромный оранжевый шар поднимался на горизонте. Дул утренний освежающий ветер, пели птицы. На вершине холма отдыхал ночной охотник каскыр, степной волк. Внезапно появилась стремительная тень, и над головой бесшумно пролетел сокол. Суслики застыли у своих нор. Сайгаки лежали на опушке небольшого лесочка, у самой речки. Все с удивлением взирали на одинокого мусафира. А тот ехал прямо на восток, навстречу к солнцу, зарождающемуся новому дню. Радостная улыбка застыла на губах путника. Сердце переполняла неведомая до сих пор радость, в ушах звенела музыка вольных просторов. Рождался стих...

Это был будущий поэт и просветитель Акмулла (1831 — 1895), пока еще никому не известный джигит из рода мин — Мифтахетдин Камалетдин улы. Спешил он в казахские кочевья, чтобы немного подработать учительством. Манила его не слава и, тем более, не деньги. А ностальгическое желание свободно кочевать по суровым и прекрасным степям, вдыхать запах полыни и походного костра. То, что ушло в небытие у себя на родине.

Да, казахские степи стали своего рода Землей Обетованной для многих выдающихся сыновей башкирского и татарского народов. Шайехзада Бабич, Мухаметша Бурангулов, Дауыт Юлтый, Мажит Гафури, Сайфи Кудаш и другие искали тут не только возможность подработать учительством и накопить деньги на учебу в медресе. Здесь они чудесным образом возвращались в прошлое, в те давно ушедшие добрые времена. Здесь еще сверкали звезды на ночном тундуке. Здесь всадники на полудиких аргамаках догоняли еще вольный ветер. Здесь еще пела радостная домбыра. Здесь царил дух свободолюбивых предков.

В отличие от татарских собратьев-земледельцев и ремесленников, юго-восточные башкорты быстро становились «своими», почти неотличимыми от своих кочевых братьев⁴². В этом не было ничего удивительного. Как и казахи, все они были рождены в седле. Им не надо было объяснять, что такое жайляу, байга, айтыс, охота с ловчими птицами. Все это было им знакомо, все это было у них в крови. Островки былой жизни еще сохранялись кое-где и в самой Башкирии, но уже не было прежнего духа. Так, например, не увидишь радости от встречи на лицах родственников, собравшихся у постели смертельно больного. Старый образ жизни был обречен, он постепенно умирал, угасал на глазах...

Уместно будет заметить, что башкирам было запрещено кочевать еще в начале XVIII века. Царские генералы и наместники, руководившие подавлением волнений, усматривали в «мобильном» образе жизни воинственных инородцев реальную угрозу. Башкорты всерьез эти указы не воспринимали — продолжали выезжать на кочевки вплоть до 20-х годов прошлого века, пусть и на незначительные расстояния от своих деревень.

Оказавшись в южных степях, башкорты быстро и в совершенстве овладевали языком, что не представляло большого труда. Например, Акмулла писал свои стихи и наставления на казахском языке, по мере возможности избегая арабизмов и фарсизмов. Вот почему его мунажаты были горячо любимы и популярны среди широких слоев населения. Обычаи и традиции были во многом схожи, общие этнические корни, единая религия, образ жизни определяли их содержание.

Менталитет юго-восточных башкортов и их соседей-номадов мало чем отличается. Это были, как писал знаменитый Лев Гумилев, «степные рыцари» со всем набором благородных качеств. От башкир и казахов, как и от других «конных» народов, веяло духом военной демократии того «Золотого века», когда честь и отвага были превыше всего. Русские офицеры отмечали в башкортах, с которыми им приходилось сталкиваться в бою, ценные «брутальные» качества, такие как необыкновенная смелость, мужество, выносливость. Не менее лестно высказывались они о боевых скакунах инородцев. Один из генералов военной кампании осени 1736 года писал, что «бунтовщики» наносят внезапные удары по войскам и уходят в горы или степи, где их догнать практически невозможно. В то время как солдатские лошади падают от усталости, башкирские могут проскакать еще десятки миль. Неприятно были удивлены и французы в войне 1812—1814 годов. О башкирах на низкорослых конях, всегда выступавших в авангарде русской армии, они сложили целые легенды, видя в них то «северных амуров», то «дикарей-людоедов». Кстати, после восстаний XVI—XVIII веков царизм сумел направить боевой пыл башкир в выгодном для себя направлении. Были сформированы иррегулярные войска, так называемые башкирские казаки, которые охраняли границы Российской империи и участвовали в войнах против внешних врагов. Для башкортов эта была единственная возможность поддерживать свой боевой дух и сохранять воинские традиции, оставляя оружие при себе.

В конце XVIII века, в течение всего XIX и в начале XX столетия и казахам пришлось отстаивать свои права на землю и свободу с оружием в руках. Восстания Сырыма Датова, Кенесары Қасымова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, Амангельды Иманова, других лидеров явились грозным предупреждением царизму⁴³. Эти выступления заставили колониальные власти действовать в Казахстане очень осторожно и более изощренными, чем в других «осваиваемых» территориях, методами. С многочисленным кочевым народом, имеющим непокорный, свободолюбивый характер, приходилось считаться. «Казахские войны», стоическое сопротивление отважных номадов, к сожалению, до сих пор остаются в тени мировой истории и мало кому известны за пределами страны.

Многие русские революционеры, сосланные в Казахстан, вместо ожидаемых духовных мучений получали неожиданный подарок судьбы. Они встречались с первозданной Великой степью, с ее бескрайними ковыльными степями и знойными пустынями, с зеркально-чистыми озерами и высокими горами... Здесь жили простые и гордые люди, никогда не знавшие крепостнического рабства и вековой неволи. Главным богатством кочевого казаха были честь, быстрый конь, синее небо и золотое солнце над головой, вольные просторы равнин. Здесь царил культ предков, здесь почитали старших, здесь не было пороков их, пришельцев, мира... Для выдающихся деятелей прошлого — Шевченко, Достоевского, Гурьева, Петрашевцев и других — казахские степи стали таким же открытием и источником для вдохновения, как Дальний Запад для американцев. Зачарованные здешними красотами и удивительными людьми, они слагали поэмы и романы, песни и симфонии...

Но для сынов Урала, очутившихся в степях, все это было привычное, родное. Прямота и искренность, гостеприимство и благородство у башкир всегда были в цене. Как и казах, истинный башкорт никогда не начнет расспрашивать гостя, не пригласив его в юрту и не угостив тем, «что Бог послал». Любимыми героями казахских сказок и сказаний являются батыры и удалцы — честные, простые, смелые. Не зря в Государственном гимне Республики Казахстан воспевается сын родной земли, который «никогда не поступался своей честью». Те же слова о воинах, которые «погибли, но не уступили врагам ни пяди своей земли», увековечены в неофициальном гимне башкирской нации — песне «Урал».

Но, будем реалистами, природные романтические качества башкир и казахов порой использовались против них самих. Наши предки, ценившие верность слову и ожидавшие от переселенцев того же самого, не раз оказывались обманутыми⁴⁴. Причиной нарушения договоров с башкирами, лишения огромных территорий и ресурсов, наряду с другими факторами, стали и особенности менталитета народа — природная доверчивость, прямолинейность, чрезмерное гостеприимство. Характеры оседлых наций и кочевых народов, сформировавшихся в течение многих столетий в разных общественно-политических и хозяйственных условиях, отличаются довольно существенно. Для примера возьмем родственник башкирам народ — татар. Это великолепные земледельцы, искусные ремесленники и изобретательные торговцы. В комплексе их природных качеств — красноречие, дипломатичность, настойчивость, конформизм — быстрая приспособляемость к любым обстоятельствам. Этим они резко отличаются от своих соседей башкир, бывших воинов и скотоводов.

В Средней Азии и Казахстане до сих пор можно встретить людей, искренне считающих, что башкиры и татары фактически один и тот же народ. Но это далеко не так. Мы попытались обосновать это с точки зрения этногенеза башкортвов, их

хозяйственно-культурных особенностей, менталитета. Даже несведущий в этих вопросах человек может легко определить башкира по его фамилии и имени. У нас распространены фамилии Байбулов, Йылкыбаев, Кунаккильдин, Котлобердин, Тансыккужин, Яубасаров, Сарбаев, Карагулов, Исянаманов и так далее. Все они имеют языческое или тюркское происхождение. Такие же антропонимы есть у казахов — Амангельды, Карабай, Жаналы, Ербол, Жаксылык, Есенберды и другие. Родоплеменную память сохранили фамилии Кипчакбаев, Аргынбаев, Кыргызбаев, Казакбаев, Бурзянцев, Дулатов и т.д. У татар или, к примеру, у оседлых узбеков, фамилии имеют чисто исламские (арабские и персидские) корни. Например, Фархутдинов, Гайнутдинов, Алимов, Рашидов, Мавлютов и т.д. Естественно, они есть и у нас, но не в доминирующем соотношении. Будучи более интегрированными в российское общество, наши татарские братья после революции 1917 года начали активно нарекать детей «модными» именами — Марат, Энгель, Радек, Эльвира, Альбина, Флора, Римма и т.д. Имена близнецов, к примеру, звучали совсем необычно — Рева и Люция (производные от слова «Революция»), Флот, Фигус, Ампер, Лундеж («Ленин Умер Но Дело Его Живет»). Безусловно, это было отражением поистине революционных настроений в обществе, характерных для большинства народов СССР. Но среди коренного населения автономной республики, в большинстве своем проживающего в сельской местности, подобные эксперименты поддержки не нашли. Хотя в последние десятилетия и среди башкир появились Тамары и Филюсы, Алины и Радмиры... Сегодня набирает силу и другая тенденция — традиционалисты из числа молодежи, в первую очередь представители творческой интеллигенции, нарекают своих младенцев именами — Ирендик, Иремель, Урал (названия гор), Тамъян, Юрматы, Бурзян (названия племен), Тулькусур, Алдарбай, Султангарей (герои башкирского сопротивления).

Одежда. Юрты. Боевое оружие и орудия быта. Музыкальные инструменты. Автор не является специалистом в этих сферах. Но можно твердо сказать, что при всех особенностях и здесь много общего. Когда на экране появляются юрты в степи, несметные табуны лошадей, люди в национальных казахских одеждах, — все это воспринимаются как нечто свое, родное. Когда льется лирическая казахская песня или доносятся звуки домбыры, сердце любого башкира начинает биться в учащенном ритме. Это зов предков, это древняя кровь бушует в жилах тюрков.

Особо нужно сказать о национальной кухне башкортвов. Большинство блюд традиционно изготавливается из мясомолочной продукции. Кымыз, айран, корот, кызыл эремсек, катык или, скажем, казылык, карта, тултырма, курзык тому свидетельство. Нелишне напомнить, что только у трех кочевых народов — башкир, казахов и кыргызов знаменитый бешбармак (у башкортвов бишбармак) является истинно национальным блюдом, более того — всемирно известным брендом. Уместно напомнить и о бузе — слабоалкогольном напитке из овсяной, просяной или гречневой муки, распространенном в основном в Башкортостане, Киргизии и некоторых районах Казахстана. Автору посчастливилось испробовать кумыс в Южном Казахстане, поэтому могу высказать свое мнение — сей «богатырский» напиток мало отличается от своего башкирского, скажем, зауральского варианта. Таким образом, национальная кухня продолжает хранить генетическую память о нашем единстве.

Много общего в фольклоре наших народов. Любимые персонажи сказок и дастанов — Козы Көрпеш (Кузый Күрпәс) и Баянсулу (Маянһылыу), Алпамыс

(Алпамыша), Алдар Косе (Алдар Күсә) и другие, благополучно «дожившие» до наших дней, напоминают о наших общих тюрко-огузо-кыпчакских корнях. К сожалению, среди ученых-филологов порой разгораются споры — кем же являются эти персонажи по национальности? Татарами? Киргизами? Казахами? Башкортами? Каракалпаками? Ногайцами? Кто же «законный наследник» устного и письменного творчества предков? Вопрос, конечно, риторический. Мне кажется, что сами герои этих сказок ответили бы:

— Мы и казахи, и ногайцы, и башкиры... Мы рождены не для того, чтобы разобщить наших потомков, а чтобы их объединить!

Старик возвращался домой. Ехал он на старой телеге, запряженной печальной лошастью, направляясь на запад. На горизонте синели родные горы. Усталое солнце, потерявшее свою утреннюю свежесть, все ниже и ниже опускалось за скалы. Акмулла ехал домой, ехал умирать. Он знал это, но лицо великого бродяги оставалось спокойным. Осуществилась его юношеская мечта. Он прожил жизнь, полную приключений и лишений. Сидел в тюрьме, был подвергнут публичной обструкции, страдал, любил, обманывался. Но за ним числились и победы — слава непревзойденного поэта и акына, учителя и просветителя. Да, это была трудная, но вольная жизнь. И она всецело была посвящена укреплению взаимопонимания между двумя народами — башкирами и казахами, между которыми не так давно пробежала черная «неплюевская» кошка...

В ту ночь путник был убит своими врагами⁴⁵ и похоронен недалеко от города Миасс, что в пределах нынешней Челябинской области России. Но продолжает жить наследие этого великого человека, оставившего добрый след в истории казахов и башкир. Акмулла был и остается символом дружбы и братства двух наций, своеобразным мостом, соединявшим оба берега пограничной реки Яйык. Не зря его прозвали Акмуллой — «белым, светлым учителем».

Благодарные потомки помнят и чтят память Мифтахетдина Камалетдинова, внесшего огромную лепту в развитие казахской и башкирской литературы. Проводятся международные конференции, учреждена премия имени легендарного просветителя, проходят «Акмуллинские чтения», Башкирский госпедуниверситет имени М. Акмуллы и Актюбинский университет имени С. Байышева установили тесные партнерские связи.

Говорят, иногда над могилой Акмуллы появляется радуга. Она возвышается над Яйыком, соединяя два берега — башкирский и казахский. И это продолжается день ото дня, год от года, в течение всех столетий. Значит, дух Белого муллы продолжает исполнять светлую миссию. Миссию Объединителя всех людей и народов.

Баксы против албасты

В темную избу вошел знахарь — баксы. В руке он держал старое ружье, за поясом торчала плеть. Лицо его было суровым, губы плотно сжаты, в зрачках темных глаз застыла решимость. Да, он был готов, настроен на долгую, нелегкую борьбу. Враги были здесь, старик заметил это, едва переступив порог. Окружив жертву плотным кольцом, они толпились в середине избы. Появление баксы не осталось незамеченным, шайтаны тут же завизжали, запрыгали, некоторые, что трусливее, кинулись в углы. Впрочем, этого никто из присутствующих людей не видел. В печи трещали дрова. Кто-то бросил ветку можжевельника, дым от которого способен был отогнать злых духов. Отблески огня падали на больного мужчину, лежащего на полу, завернувшись в старый войлок. Он бредил, пот

градом катил по изможденному долгой болезнью лицу. Все его страдания были результатом происков шайтанов, это они приносили болезни. Их мог изгнать только он, мрачный старик с ружьем. Баксы прочел суры из Корана. Закончив, попросил всех выйти и подождать за дверью. Потом достал свою камчу и начал щелкать над головой, бормоча лишь ему понятные заклинания. Притихшие было шайтаны опять запрыгали, завизжали, кинулись на знахаря, пытаясь завалить его на пол. Долго боролся старик, весь вспотел, кровавые следы от укусов выступили на его руках, тело покрылось синяками. Все это время дух больного продолжал кочевать между двумя мирами...

Наконец, побежденные враги убежали из дома, с воем исчезли в ночной тьме. Однако, некоторые остались, попрятавшись по углам. Сидели молча, испуганно уставившись на врага. Баксы достал ружье, зарядил сухим порохом, выстрелил в потолок. Шайтаны, оглушенные грохотом, кинулись прочь от этого «страшного» дома... Больной открыл глаза, губы его зашевелились. Он будет жить! Обессиленный долгой борьбой старик упал на пол.

Примерно так описывал священные действия «шайтан-күрәзәсе», знахаря-баксы один из исследователей башкирского края И.Лепехин. Ислам вошел в жизнь народа тысячу лет тому назад, но пережитки язычества продолжали жить и в средние века. Даже сегодня в южном и восточном регионах исторического Башкортостана можно заметить следы старинных обычаев и традиций. Пройдя через тысячелетия, до века нашего дошел и культ волка. Например, в некоторых деревнях закапывают под порогом дома волчьи черепа или кости. Люди верят, что древний покровитель башкортвов Белый Волк с одобрения Всевышнего будет защищать обитателей дома от бедствий. Теми же помыслами руководствуются родители, подвешивая на колыбель ребенка волчьи зубы или когти. Волчьи амулеты носили или вшивали в одежду воины, искренне полагая, что вражеские стрелы и пули не причинят им вреда⁴⁶. Лошадиные черепа охраняли пасеки, загоны для скота, дома людей. Как мы знаем, и у казахов с кыргызами долгое время сохранялись доисламские обычаи и верования.

Если бы два тюрка — башкир и казах — попали в мир иной, то наткнулись бы на множество общих знакомых. В той «тусовке» им наверняка встретилась бы албасты — страшная женщина с провисшими до колен грудями, езтырнак (жез тырнак) — «товарка» с жестяными ногтями и медным носом, пожиратель всего живого ялмауыз (жалмауыз кемпир) и другие демонические существа. Перечисленные персонажи зафиксированы в мифологии узбеков, кыргызов, алтайцев, тувинцев, каракалпаков, ногайцев, туркменов, хакасов, татар, чувашей и других родственных народов.

Таким образом, мир тюрков был заселен множеством добрых и злых духов. В языческие времена каждый род башкир имел своего тотема-животного, птицу, дерево. У каждой горы, реки, леса имелся «эйә» — хозяин. Например, «тау эйәһе» — «хозяин горы», «һыу эйәһе» — «хозяин воды, реки», «урман эйәһе» — «хозяин леса». Они были настолько уважаемы и могущественны, что прежде чем искупаться в речке (срубить дерево, подняться на вершину горы), человек должен был спрашивать разрешения у соответствующего «эйә». Непослушание грозило обернуться бедой для самого человека или всего его рода. Примерно такие же тотемистические и анимистические представления существовали и у казахов. Институт баксы (бағымсы) — знахарей и духовных лидеров занимал довольно значительные позиции в жизни коренного населения Средней Азии и Южной Сибири вплоть до начала XX века.

После принятия благословенной веры — ислама — наши предки стали мусульманами. За тысячелетие в духовной жизни многое изменилось. Но у казахов и поныне продолжает жить культ предков. Мавзолеи — мазары, сооруженные в честь великих родоначальников и батыров, и по сей день возвышаются в степи. Большой славой пользуются аулие — святые, по благословению Всевышнего — Милостивого и Милосердного посланные к людям. Эти же традиции сохранились у южных и восточных башкортвов. Например, к могиле знаменитого аулие Мужавир-хазрета, что в Баймакском районе Башкортостана, приезжают мусульмане со всей России, бывают паломники из Казахстана. Легендами овевана религиозная и просветительская деятельность еще одного выходца из Башкирии — суфия Зайнуллы ишана Расулева (1833—1917), при жизни признанного святым. Точно так же башкортвы совершают так называемый «малый хадж» в святые места Туркестана. Не удивительно, что религиозные течения «Ак коштар» («Белые лебеди»), «Орда» и другие, зародившись в Казахстане, получили распространение именно в южных и юго-восточных районах Башкортостана. Общие духовные ценности, менталитет, общие этнические компоненты — все это играют на руку лидерам секты. Религиозные авторитеты традиционного ислама должны сказать свое слово по данному сложному и спорному вопросу. Мавзолеем Хусайнбека под Уфой и кэшэнэ Бэндебике аулие (Кугарчинский район РБ) являются традиционными местами паломничества для верующих.

На пути созидания

После октябрьского переворота 1917 года башкирские и казахские лидеры одними из первых в стране начали борьбу за национально-территориальную автономию. Вдохновленные революционными настроениями, воодушевленные новыми перспективами для своих народов, лучшие представители интеллигенции за короткое время сумели подготовить концептуальную основу автономии. Ими двигала Великая Мечта — быть равными среди равных... Сторонники Заки Валиди попытались заручиться поддержкой и татарской элиты, но те выступали лишь за национально-культурную самостоятельность. Оно и понятно, ведь эта многочисленная, угнетенная нация (как и все народы, в том числе и сами русские) были рассеяны по всей России, и в отличие от башкир и казахов никогда не имели вотчинных прав на землю. В октябре 1917 года члены Башкирского Центрального Шуро и Казахское Шуро проводят в Оренбурге полуофициальное, полуконспиративное совещание. Они определяют в своих позициях по отношению к сложившейся ситуации. Валиди вспоминает:

— Совещание продолжалось два дня и во многом определило нашу дальнейшую судьбу. Решили сохранить верность идеям демократии... ориентироваться на Украину, осуществляющую политику областной автономной самостоятельности. Договорились, в конце декабря в одни и те же дни созвать в Оренбурге казахский и башкирский курултай, встать на путь борьбы за суверенитет...

Когда завязалась гражданская война, Заки Валиди громогласно заявил: «Мы не красные, и не белые, а просто башкиры». Правительство самопровозглашенной автономии опиралось на поддержку «Алаш орды» и, как один из вариантов, ставило целью создание совместного государства с центром в Оренбурге. Эти идеи нашли понимание и поддержку у Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мустафы Шокаева и других авторитетных руководителей казахского правительства. Но первые лица советского государства оказались зараженными бациллами имперского сознания. При всей своей либеральной

патетике, отпускать на волю узников «тюрьмы народов» они не собирались. Более того, началась тайная работа с целью «остановить» вольнодумцев. В конце концов, большевикам удалось раздробить и направить в разные русла национально-освободительное движение угнетенных народов бывшей империи. Этим ловко воспользовались белые генералы Дутов, Колчак, Деникин, лидеры чехословацкого корпуса. Тем более угнетенные массы готовы были действовать. Башкиры уже к маю 1918 года, первыми в стране, сумели сформировать свою национальную армию. Чрезвычайно дисциплинированная и боеспособная, она воевала сначала на стороне Колчака, который обещал государственность «инородцам». Но скоро ситуация изменилась в корне, и по очень банальной причине — «правитель Сибири» отказался от своих обещаний. Успехи белых на восточном фронте были очевидны, победная эйфория охватила адмирала... Но, как гласит пословица, не бывает худа без добра — громкий скандал башкирского правительства с колчаковцами «разбудил» вождей мирового пролетариата. Молодое советское государство, ведущее смертельную схватку за свое выживание, нуждалось в поддержке башкир в Поволжском и Уральском регионах. Расчет оказался верным и оправдал себя полностью. После перехода Валиди на сторону Советов положение на фронтах изменилось, наступление белых было остановлено. В марте 1919 года башкиры вынудили центральное правительство подписать Соглашение о предоставлении им автономии. Таким образом, в первый раз за всю свою историю у коренного населения края появилась государственность. Скоро такая же самостоятельность в пределах Советского государства была предоставлена и другим национальным окраинам.

Заки Валиди, будучи председателем Башревкома, продолжал бороться за создание башкирско-казахского государства. Свои идеи он отстаивал во время частых встреч с Лениным, Сталиным и другими первыми лицами страны. Никто не высказывался против данного проекта, но и не проявлял особого энтузиазма. Но все же, под давлением «конфедератов», в декабре 1919 года была создана так называемая Киргизско-башкирская комиссия. Ею руководил будущий «всесоюзный староста», а пока председатель ВЦИК, Михаил Калинин. Комиссия должна была решить проблемы не только башкир и казахов, но учесть права русскоязычного населения Оренбуржья. Как замечает Валиди в своих «Воспоминаниях», это была сверхсложная и деликатная задача. Борьба шла с переменным успехом. В одно время казалось, что южная, восточная и часть центральной Башкирии (так называемая Малая Башкирия) вот-вот войдут в состав новой республики. Странники этого проекта надеялись, что создав совместное с казахами государство, большая часть коренного населения «уйдет» когда-нибудь от власти Советов. А остальная часть края должна была стать частью Татаро-башкирской автономной республики. Но надежды Валиди и его сторонников не сбылись. Сталин и Калинин свели на нет все эти усилия. Во главе государства рабочих и крестьян стояли дальновидные люди, прекрасно осведомленные о нюансах отечественной истории. Они понимали, что Оренбург может стать центром дальнейшего сплочения двух свободолюбивых народов, к которым может примкнуть и татарское население края. Заложить своими руками «бомбу» под фундамент будущей империи было бы политической глупостью, и в результате возникла буферная зона — Челябинская и Оренбургская области. Вотчинные земли башкортов и казахов были переданы под их, новых субъектов, ведение, а столицу КАССР перенесли из Оренбурга

в Кызыл-орду, позже — и в далекую Алма-Ату. В результате этих действий Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика и теперь уже Казахская Советская Социалистическая Республика были окончательно разделены, но отнюдь не Яйыком — давней пограничной рекой, а новыми политико-административными реалиями.

Но вряд ли можно провести линию отчуждения по душам и сердцам людей, связанных не только кровными узами, но и общими историческими судьбами. В годы совместного проживания в едином государстве культурные и этнические связи продолжались, но уже на уровне «народной дипломатии». Башкирские специалисты работали в Казахстане, казахи приезжали в нашу республику, молодые люди находили друг друга, создавали семьи. Деятели искусства и литературы встречались на всесоюзных и республиканских форумах, парни вместе служили в рядах советской армии. Эти эпизодические встречи и общение неизбежно рождали индивидуальную «эврику» в душах людей:

— А ведь они такие же, как и мы — башкиры (казахи)! Такие же язык, песни, мысли!

Безусловно, в национальной политике Советов можно найти много изъянов и даже пороков. Но нужно признать — она была выстроена на идеях справедливости, интернационализма, равноправия всех людей, невзирая на их сословное происхождение, цвет кожи, религиозные, политические убеждения. Возможно, это и была та самая Мечта, ради которой сражались и погибали лучшие сыновья угнетенных народов?

Радуга над Яйыком

Жаркое лето 1934 года. В Зилаире — лесном районе Башкирской АССР возникло странное селение. Землянки, соединенные друг с другом подземными ходами. Черные юрты. Наспех сколоченные деревянные постройки. Тут же бродил скот — табуны тощих лошадей и лохматых верблюдов. Селение называлось «Ак Сайыр», а основали его казахи, бежавшие из охваченных голодом казахстанских степей. Такие же стихийные аулы возникли и на других юго-восточных окраинах Башкортостана, в частности, в Хайбуллинском, Баймакском, Зианчуринском, Салаватском, Куюргазинском, Мелеузовском районах. Башкирское население радушно приняло переселенцев, местные власти выделили им не только земли для поселений, но и пастбища для скота, сенокосные угодья. Казахам, спасающихся от насильственной коллективизации, сопровождавшейся конфискацией скота, насчитывалось не менее 50 тысяч. Они устраивались на работу, в основном в сельской местности, но немалое количество мигрантов трудилось на промышленных предприятиях. Например, нанимались рабочими в Тубинском руднике и торфяных разработках Баймакского района, в нефтяных промыслах Ишимбая, на заводах Стерлитамака и Уфы...

После войны правительство СССР приняло решение вернуть казахов на свою родину. К середине 50-х годов депортация была завершена. Но немало семей предпочло остаться на благодатной башкирской земле. Единая вера, близкий язык и менталитет позволили им быстро интегрироваться в местное общество. Но этническое самосознание, некоторые традиции и обряды эти люди сохранили до наших дней. Есть казахские аулы в нынешних Мелеузовском и Стерлитамакском районах Башкортостана.

Вышеописанный эпизод еще раз свидетельствует о том, что в самые трудные моменты истории наши народы ищут и находят защиту друг у друга. Оно и понятно, ведь мы братья, нам дорого завещание мудрой прорицательницы Бэндэбике и аулие Кушим-хаджи.

В период Великой Отечественной войны наши джигиты вместе сражались в рядах Советской армии. Особенно прославились две башкирские кавалерийские дивизии, в составе которых было много казахов — смелых порой до безрассудства воинов. В Башкортостане помнят и чтят память настоящих батыров — заместителя начальника полка, гвардии капитана Уразая Букенбаева, сержанта Давлета Агибаева и многих других казахстанцев. Потомки воинов-кочевников, рожденные в седле, никогда не отступали. Вот что пишет автор — алматинка Галия Шимырбаева в газете «Казахстанская правда» от 17 сентября 2010 года: «Конники из Уфы дошли до Берлина. Ни одно соединение Красной армии не дало столько Героев Советского Союза, как 112-я Башкирская кавалерийская дивизия — 78 человек и 5 полных кавалеров Ордена Славы всех степеней! Сама дивизия удостоена звания гвардейской, награждена орденами Ленина, Боевого Красного Знамени, Суворова и Кутузова, получила почетное наименование Черниговской, 15 раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего.

За решительность, быстроту и внезапность фашисты называли ее «дикой». Она действительно налетала как ураган, лавиной, которую не могли остановить ни танки, ни пулеметные очереди. Рассказывая о том, как бойцы дивизии освобождали Донбасс — главную угольно-металлургическую базу страны, — некий майор Мейер писал в газете «Дойче Цайтунг»: «Мы вынуждены сражаться с людьми дикого племени башкир». «Красная Звезда» тут же подхватила: «Он совершенно прав в одном — воины башкирской дивизии действительно не знают страха, бьют врага беспощадно».

В 70-х годах прошлого века в зауральских районах республики появилась «мода» на все национальное. Руководители колхозов и совхозов начали ставить юрты на сабантуях. Но своих башкирских «войлочных домов» осталось очень мало. Та, традиционная жизнь, давно канула в небытие. Выход нашли быстро — юрты заказывали и закупали в Казахстане. Благо, принципиальных отличий между казахским и башкирским юртами нет. Сегодня они стали основным украшением сабантуя. В последние десятилетия местные предприятия и отдельные ремесленники наладили изготовление переносных жилищ. Кстати, после ужасающего по своим масштабам наводнения, в 1990 году, в наиболее пострадавший Бурзянский район завезли юрты из Казахстана. Эта была реальная, очень своевременная, безвозмездная помощь братского народа.

Пример Казахстана, республик Средней Азии, бережно хранящих и развивающих свою национальную культуру, всегда вдохновлял нашу общественность. Словно птица феникс, из пепла духовного небытия возродились давно позабытые башкирская думбыра, кыл-кубыз, сорнай. У молодежи появился интерес к своей истории, шежере, культуре.

В годы Советской власти Казахстан, как и Башкирия, сделал огромный скачок не только в экономической, социальной и культурной областях. Постепенно росло национальное самосознание. Великая история казахского народа стала основой для гордости молодого поколения и его активной гражданской позиции. Попытки

ущемления национальных интересов казахского населения всегда наталкивались на мощное сопротивление. Вспомним, например, волнения в Целинограде, когда в Северном Казахстане предпринимались опрометчивые шаги по созданию немецкой автономии, хотя российские немцы исторически проживали в Поволжье и имели там свою государственность до Великой Отечественной войны. Настоящим шоком для страны стала декабрьская трагедия 1986 года. Вне всякого сомнения, тогдашнее выступление казахской молодежи против диктата союзного центра стало одной из причин развала большой империи.

Вот интересный факт. В начале 50-х годов выдающийся писатель и государственный деятель Мухтар Ауэзов встретился в Нью-Йорке с казахскими эмигрантами. Валиди упоминает об этом эпизоде в своих «Воспоминаниях». Казахский патриот, вспоминая начало национально-освободительной борьбы в 1917—1918 годах, сказал в узком кругу:

— В тогдашней крошечной тьме нам, казахам, Башкортостан казался северным сиянием...

Несколько слов о борьбе коренных жителей за права автономной республики. Она началась в конце 80-х годов. Общественно-политическая ситуация в БАССР была намного хуже, чем в Казахстане. Доля башкир составляла 22 процента от общего населения республики, они слабо были представлены в государственном управлении, в руководящих и средних позициях промышленной, финансовой, банковской сфер экономики. Острые проблемы башкирских районов — безработица, отсутствие инфраструктуры, высокая доля самоубийств, алкоголизм, продолжающийся отток молодежи в другие регионы страны, а также постепенная потеря национальной идентичности вызвали не только социальный, но политический кризис. Видя корень зла в ограниченных возможностях автономной республики, национальная интеллигенция начала действовать. Весной 1988 года группа студентов-башкир вышла на улицы столицы. Участники несанкционированного мероприятия были задержаны. Но это событие стало первым в целой череде политических акций национальных организаций. Был организован сбор подписей за предоставление статуса союзной республики с объявлением башкирского и русского языков государственными. Население БАССР по-разному восприняло эту инициативу. Но, к удивлению самих организаторов акции, моральная помощь пришла совсем с неожиданной стороны, из Казахстана! С огромной благодарностью было воспринято Обращение выдающихся деятелей искусства, науки, литературы Казахской ССР (апрель 1990 года), где казахская интеллигенция поддержала политические требования своих северных братьев. Потом было провозглашение государственной независимости Башкортостана в рамках Российской Федерации, многотысячные марши, митинги, голодовки, стихийные попытки остановить вывоз природных ресурсов из республики, борьба за сохранение священных мест башкирского народа. К сожалению, не обошлось и без насильственных акций. Например, в ноябре 1991 года около 300 молодых башкир захватили здание республиканского телецентра в Уфе, и удерживали его в течение нескольких часов. В своем радиообращении, помимо прочих, они потребовали создать национальную гвардию Башкортостана. В последние 20 лет в ряде районов произошли этнические стычки, в основном бытового характера, но, к счастью, многонациональный народ республики сумел сохранить мир и

общественно-политическую стабильность в регионе. Уместно будет напомнить, что башкирские организации никогда не поднимали вопрос о выходе из состава Российской Федерации.

— Это позиция принципиальная, мы уважаем выбор наших далеких предков, добровольно присоединившихся к России, — заявляют лидеры национального движения. — Но присоединились они на основе договоров, гарантирующих права башкир на землю, на волю, на самобытность. Нынешнее государство, если оно является действительно федеративным, должно помнить об этом. Сила и благополучие Российской Федерации зависят от того, насколько комфортно и уверенно чувствуют себя народы, населяющие эту великую страну.

Сейчас идет процесс централизации власти, что сопровождается постепенной ликвидацией прав и полномочий национальных республик. В Основном законе страны больше нет пункта, гарантирующего право наций на самоопределение. Более того, влиятельные силы в российской политике все настойчивее выступают за отмену статуса национально-территориальных образований и создание губерний. Так, Башкортостан должен стать Уфимской губернией, Татарстан — Казанской, Саха — Якутской и т.д.

Не менее серьезными угрозами и геополитическими вызовами сталкивается и суверенное государство Казахстан. Это, прежде всего, постепенная, но неумолимая экспансия со стороны великого соседа Китая, стремящегося к природным и территориальным ресурсам страны. Сохраняется немалая политическая и экономическая зависимость от некоторых влиятельных государств мира. В этом же перечне — опасная близость от горячих точек Центральной Азии, социальные проблемы, наркотрафик, существование спорных участков государственной границы, появление многочисленных религиозных течений...

Безусловно, за годы независимости Казахстан достиг значительных успехов. Руководству этой страны удалось избежать масштабных социальных, религиозных и межнациональных конфликтов. Казахстан уверенно занимает лидирующее положение в постсоветском пространстве, с его мнением считаются не только в регионе, но и во всем мире. Экономика развивается неплохими темпами, решаются многие социальные, гуманитарные, демографические вопросы. В результате реализации государственной Программы об оралманах, многие тысячи казахов вернулись на свою историческую родину. Наконец, коренные жители составили подавляющее большинство в своей стране. Имея свободное национальное государство, свое национальное руководство, казахские братья в силах решить любые проблемы, в том числе и глобального масштаба. Молодое поколение, имеющее Мечту — главное богатство возрожденной нации, главная движущая сила страны. И в осуществлении этой Мечты, великой Мечты, мы, башкортцы, желаем нашим соседям успехов и настойчивости. Ведь «Южное сияние» над казахской степью озаряет путь и для нас, потомков священного волка.

2008 — февраль 2012 года, Уфа, Башкортостан.

Примечания

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь, Москва, издательство «Мысль», 1992, с.459.

² В знаменитом «Атласе» арабского путешественника Аль-Идриси (XII век) упомянуты башкирские города Немжан, Кастра, Мастра и другие.

³ Казахское ханство возникло в середине XV века на территории Западного Моголистана. Основателями государства считаются султаны джучидского происхождения Жаныбек и Гирей. Их наследники сумели значительно расширить владения ханства и «включить» в его состав новые племена тюркского и монгольского происхождения.

⁴ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. — Москва, Наука, 2009. — С.44—50.

⁵ Под «новыми соседями» имеются в виду те племена, которые пришли с юго-востока под натиском джунгарцев. А недавние подданные Ногайского ханства — жетиру, алшынские племена алимулы и байулы (этнически связанные с ногайцами), всегда жили вблизи южных башкир и поддерживали с ними родственные отношения. Все они считались, говоря современным языком, «гражданами» единого ногайского государства.

⁶ Газета «Актюбинский вестник», статья «Братская дружба» от 20 сентября 2011 года.

⁷ Это одно из преданий о Еренсе-сэсэне и Бэндебике-аулие

⁸ Авторы Баянғали Култаев, Қайрат Тулеуов в газете «Актюбинский вестник» (статья «Братская дружба» за 20 сентября 2011 года) пишут: «Объединенными башкирскими отрядами руководил знаменитый в казахских степях башкирский батыр Таймас Шанмов. Участие Таймас-батыра со своими воинами в сражениях Буланты и Аныракай подробно описано в книге казахского писателя Ануара Алимжанова «Жаушы» («Гонец»). Народ до сих пор помнит подвиги Таймас-батыра наравне с другими батырами, такими как Тайлак, Бокенбай, Есет, Сарке. Благодаря родственным народам, казахи в этой кровавой бойне смогли не только выжить, но и победить. Знаменитая Аныракайская битва состоялась в 1729 году и завершилась победой казахов над джунгарами».

⁹ По мнению некоторых ученых, когда-то бурзяне и жагалбайлинцы представляли единый этнос в составе огузо-печенежского государства и кочевали в степях, начиная от Аральского моря до северного Причерноморья, а затем разделились на две части. Возможно, поэтому жагалбайлинцы (или другие племена жетиру, наиболее близкие к башкирам) и являются авторами этнонима «эстек» («брат-близнец»).

¹⁰ Большой интерес представляет шежере бурзянцев — «волчьих людей». Считается, что родоначальником племени является Бурзян-бий. От него родились Урал-бий и Арал-бий, от Урала — Бишкуртка, от него Аллаяр, от него — Мунаш и Ямаш. Последние положили начало одноименным родам в составе племени бурзян. Автор принадлежит подроду Йомаш (родовое селение в Баймакском районе РБ), отделившегося от основной массы ямашевцев. Башкорты-бурзянцы сохранили память о знаменитом своем сородиче — Урал-бие. Неудивительно, что самый известный башкирский эпос «Урал-батыр» был записан в 1910 году именно из уст бурзянцев.

¹¹ Есть другая версия. Жагалбайлы (ягалбайлы), будучи выходцами с Алтая, «выдвинулись» на запад тем же путем, что и бурзянцы. В ходе этого переселения часть их вошла в состав кыргызов, каракалпаков, башкортвов и т.д. Иными словами, процесс этно-интеграции произошел намного раньше, еще до монголо-татарского нашествия.

¹² Как утверждают некоторые казахские краеведы, Ширмухамед, известный предводитель рода, стал применять название «Ман ата» в качестве урана для всего племени жагалбайлы. По их словам, «бурджаны разделились на два племенных союза. Башкирские бурзяне считают себя потомками Урал-батыра. Поклонялись аруаку Ману (Ман ата) — своему прародителю. Согласно мифам, у бога Тэнгри было два сына Ман и Ямыш. От Мана родился Карабуга-батыр, от него — Жагалбай. От Ямыша родился Урал-батыр, от него происходят бурзяне башкирские. Родиной для всех бурджан был полуостров Мангышлак» (данные из Википедии, раздел «Жагалбайлы»). Упомянутые здесь Карабуга-батыр, Ямыш (Ямаш), Урал-батыр встречаются в башкирских преданиях и шежере, тем самым эти сведения представляют определенный интерес в изучении истории бурзянцев и жагалбайлы.

¹³ По некоторым данным, род «ямаш» первоначально именовался «ягылбайлы».

¹⁴ Сведения получены из казахстанских сайтов в интернете.

¹⁵ Об этом в частности свидетельствует донесение царского агента, ахуна Мансура Абдрахманова В.Н.Татищеву от 01 февраля 1738 года. По некоторым данным, супруга хана была бурзянкой из аула Таулыкай нынешнего Баймакского района Башкортостана.

¹⁶ ДНК-анализ, определяющий родство на молекулярном уровне, несомненно, очень перспективный метод исследования в современной науке. Но тут необходимо учесть следующие факторы. Во-первых, родство должно тестироваться максимально большим количеством маркеров. Как признаются и сами ученые, анализ крови нескольких десятков или даже сотен людей не дает полную, исчерпывающую картину. Во-вторых, любой этнос — живой организм, находящийся в постоянном развитии. В его состав вливаются все новые этнические компоненты. Например, в тех же кочевых племенах всегда находились пленники (ясыри) и наложницы чужих кровей, их дети усыновлялись. В критические моменты истории наблюдался массовый приток населения, генетически «инородного». Например, в 1771 году в ходе «Последнего перехода» калмыков (по сути западных монголов) казахи захватили десятки тысяч пленных — женщин, детей, воинов. В плен попадали и славяне, и жители среднеазиатских государств, и китайцы... Такие же процессы происходили и у башкир. Отсюда вывод. Этнотсы, имеющие единые корни, со временем приобретают новые качества и несколько отдаляются от своих сородичей — носителей того же этнонима и, более того, генетического кода. Показателен случай с башкирскими и казахскими табынцами. Тем не менее, их сегодняшние потомки признают единого предка, их родословные и обще-племенная атрибутика совпадают. Все это позволяет утверждать, что многие башкирские и казахские племена имеют единые исторические, этнические, генетические корни.

¹⁷ Газета «Октябрь» Миякинского района РБ, от 29 августа 2009 года. Статья Р.Базаровой «Мы — потомки Шагали Шакмана».

¹⁸ Такие походы, нередко сопровождающиеся разорением отдельных аулов (особенно в конце XVIII — в течение XIX веков), назывались «воинскими поисками».

¹⁹ *Таймасов С.У.* «Башкирско-казахские отношения в XVIII веке». Москва, Наука, 2009. С.260.

²⁰ *Мунир Хадыев, Абдрахман Фахретдинов.* «Башкорт тарихы». — Казань, 1912. Книга переиздана в Уфе в 1925 и 2007 годах.

²¹ Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, 1996. Научное издательство «Башкирская энциклопедия». С.113.

²² Об этом говорится в башкирской народной песне-проклятии «Тафтиляу» («Тевкелев»), сложенной после трагедии Сеянтус.

²³ *Алтон С.Донелли.* Завоевание Башкирии Россией 1552—1740. — Уфа, 1995. С.217.

²⁴ *Ахметзаки Валиди Тоган.* История башкир. — Уфа, Китап, 2010. С.135.

²⁵ В целом, роль Абулхайр-хана в башкирской истории представляется положительной. В условиях джунгарского нашествия и внутренних противоречий ему приходилось вести изощренную политико-дипломатическую игру с Россией, Китаем и соседними народами. Несомненно, это был великий государственный муж и талантливый полководец, сумевший сплотить все три жуза и остановить джунгарское наступление. Неоднозначно оценивается роль Абулхайра в событиях начала 30-ых годов XVIII века. Некоторые казахстанские ученые утверждают, что Абулхайр-хан никогда не принимал российского подданства и был против основания колониального города на определенной казахско-башкирской территории. При этом утверждается, что переписка хана с российскими властями была переведена и истолкована неверно.

²⁶ *Мөңир Ғазыев, Абдрахман Фахретдинов.* Башкорт тарихы. — Казан, 1912; Өфө, 2007, 38 бит.

²⁷ По рассказам известного сэсна Ильсена Мирхайдарова, жителя села Аскарово Абзелиловского района.

²⁸ В XVI—XVIII веках немало татар приняло христианство, образовав новые этнотсы, вошедших в историю под названием «крящены» и «нагайбаки». Они являются православными, имеют свои церкви, соблюдают все религиозные каноны, но сохранили родной язык. После падения Казани татары целыми деревнями переместились на восток, под защиту башкир. Эти давние переселенцы ныне составляют значительную часть населения северо-западных районов Башкортостана.

²⁹ Табынск — одно из ранних поселений военного типа в Башкирии, основано на землях племени табын. Сначала была церковь, затем построили монастырь. Во время «башкирских войн» Табынск

не раз подвергался нападениям. Стал широко известен своей «Табынской иконой божьей матери» (от названия местности, где икона со святым ликом впервые явилась людям). Название иконы никакого отношения к якобы крещеным табынцам не имеет. Недалеко на реке Кугуш (Усолка) находятся так называемые святые источники, куда каждый год приезжает много православных паломников. Ныне небольшой поселок в Гафурийском районе РБ.

³⁰ История отступления Карасакала в казахские степи пересказана со слов хранителя древних легенд и преданий, известного сээсна (народного сказителя) Ильсена Мирхайдарова — аксакала села Аскароро Абзелиловского района Республики Башкортостан.

³¹ *Мөңир Һазыев, Абдрахман Фахретдинов*. Башкорт тарихы. — Казан, 1912; Өфө, 2007.

³² Волокуши (хойратке) в те времена активно применялись в лесной и горной Башкирии, а во время восстаний они заменяли относительно громоздкие телеги или повозки. В походных условиях данный вид примитивного транспорта можно было изготовить быстро, из подручного материала. В начале XX века известный этнограф С.И.Руденко следующим образом описал волокушу: «Устройство волокуши было крайне простое: две жерди, метра четыре длиной каждая, толстыми концами привязывались к седлу верхового коня у стремян. Посредине жерди связывались лыком или волосяной веревкой, ниже которой прикреплялось большое полотнище луба» («Башкиры. Историко-этнографические очерки», Уфа, Китап, 2006, с.215).

³³ *С.У.Таймасов*. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. — Москва, Наука, 2009. С.186.

³⁴ Газета «Актюбинский вестник», 20 сентября 2011 года.

³⁵ ГАОО, лист 1.

³⁶ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 года в Башкирии. — Москва, Ленинград. 1940. С.98—99, 101.

³⁷ Эта история записана со слов жителя Альшеевского района Республики Башкортостан, полковника милиции в отставке Иршата Газизова и его односельчан-бурзянцев.

³⁸ *Жаксылыков М.Н.* Жагалбайлы шежиреси, предисловие.

³⁹ *З.Валиди Тоган*. Воспоминания. Уфа, издательство «Китап», 1998, стр.29—30.

⁴⁰ *Шагит Худайбердин*. «Как писать». Газета «Башкортостан», 1924 год, 8 февраля.

⁴¹ *Н.К.Дмитриев*. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. — Москва, 1965, с.58.

⁴² Ничего удивительного в этом феномене нет. Например, еще в средние века периферийные кланы башкир перекочевывали в казахские территории (и наоборот) и ассимилировались в новой среде. Единые этнические корни, культура, язык, религия, менталитет, несомненно, способствовали этому. Подобные процессы продолжались до XVII—XVIII вв., когда рассматриваемые этносы сформировались окончательно.

⁴³ Во время этих восстаний некоторые казахи находили убежище у башкир. Например, в легенде «Аман» рассказывается о казахском парне Амани из отряда Кенесары, который с товарищами скрывался в горах вблизи аула Средний Муйнак (нынешний Зианчуринский район Башкортостана). Местный народ сочувственно относился к этим людям и укрывал их от карателей. Сегодня сохранился «родник Амана», напоминающий о тех грозных временах.

⁴⁴ В XVIII—XIX веках в Казахстане была распространена меновая торговля, в ходе которой степняки всегда оказывались в проигрыше. Например, за железный котел, который на Ирбитской ярмарке в Сибири стоил 2 рубля 50 копеек, с казахов брали целых 50 рублей! У них обманном путем и пустыми обещаниями изымали лучшие земельные угодья, особенно в так называемый «Переселенческий фонд». В 1868 году вотчинное право коренных жителей Казахстана на землю было отменено. Природные и человеческие ресурсы колониального края подвергались жесточайшей эксплуатации, что стало причиной многочисленных народных волнений.

⁴⁵ По некоторым данным, братьями девушки из башкирского рода табын, на которой женился Акмулла. Это было убийство, «заказанное» влиятельными врагами народного просветителя.

⁴⁶ Образ древнего тотема башкирского народа — волка широко используется в качестве символа различными культурно-этнографическими, общественными и политическими кругами республики. Например, организация молодых националистов Башкортостана носит название «Күк бүре» — «Небесные волки».

Использованная литература

1. *Ахмеров Р.Б.* Наскальные знаки и этнонимы башкир. — Уфа, 1994.
2. Башкиры. Этническая история и традиционная культура. — Уфа, Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002.
3. Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996.
4. Башкорт халык ижады. 1 том. — Өфө, Китап, 1994.
5. Башкорт халык ижады. 2 том. — Өфө, Китап, 1997.
6. *Мөңир Назыев, Абдрахман Фахретдинов.* Башкорт тарихы. — Казан, 1912; Өфө, Китап, 2007.
7. Башкорт теленен диалектары һүзлеге. — Өфө, Китап, 2002.
8. *Бижанова М.Р.* Башкирско-казахское этнокультурное взаимодействие в XVIII — первой половине XIX веков. Автореферат, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2006.
9. *Заки Валиди Тоган.* Воспоминания. Книга первая. — Уфа, 1994.
10. *Заки Валиди Тоган.* История башкир. — Уфа, Китап, 2010.
11. *Донелли Алтон С.* Завоевание Башкирии Россией. 1552—1740. — Уфа, Китап, 1995.
12. История Казахстана. (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 года). — Алматы, переиздано в 2011 году.
13. *М.И.Баһауәтдинова.* Башкортса-урьҫса этнокультурологик лексика һүзлеге. — Өфө, Китап, 2003.
14. *Р.З.Янғужин.* Этнография башкир. — Уфа, Китап, 2002.
15. *Рәйсә Назыева.* Башкорт теленен этнолингвистик һүзлеге. — Өфө, Китап, 2002.
16. *Әсфәндиәров Ә.З.* Олатайзарзың бар тарихы. — Өфө, Китап, 1996.
17. *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. — Москва, Наука, 2009.
18. *С.И.Руденко.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. — Уфа, Китап, 2006.
19. *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. — Уфа, Башкирское книжное издательство. 1982.
20. *Э.В.Мигранова.* Традиционная пища, обрядовые трапезы, хозяйство, утварь башкир. — Уфа, 2010.
21. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — Москва, Наука, 1974.
22. *Чулошников А.П.* Восстание 1755 года в Башкирии. — Москва, Ленинград, 1940.
23. Информаторы — Эльмира Жалмагамбетова, Сансызбай и Нурлан Куатовы, Иршат Газизов, Ильсен Мирхайдаров, Аслан Есболов, Гульсара Зикирина, Мади Умаров, Майра Тулеуова и другие.